

1641547

МІХАІЛ ШАТЭРЛЯ

ХДР

Генерал, рожденный революцией

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ •

СЕРИЯ • ПЛАМЕННЫЕ

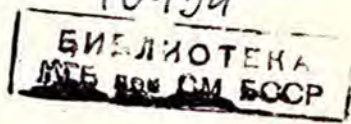
Р₂
Ш 28

*Михаел
Шатирян*

**ГЕНЕРАЛ,
РОЖДЕННЫЙ
РЕВОЛЮЦИЕЙ**

ПОВЕСТЬ
ОБ АЛЕКСАНДРЕ МЯСНИКОВЕ
(МЯСНИКЯНЕ)

16434

Микаел Шатириян — известный армянский писатель, творчество которого давно знакомо широкому читателю. Первые его рассказы были написаны в годы войны, в блокадном Ленинграде. Несколько лет спустя появился роман М. Шатирияна «Солдаты» — о героическом подвиге советских людей в исторической битве с фашизмом. Писателю близка не только тема патриотизма советских людей (после романа «Солдаты» им был издан сборник рассказов «У моста» — о суровых военных днях); его как художника и исследователя привлекает также революционно-историческая тематика. Его перу принадлежит повесть для юношества «Музыкапская команда» — об установлении Советской власти в Армении. Большим достижением в творчестве М. Шатирияна является его роман «Сказание о палме», посвященный 26 бакинским комиссарам.

Повесть «Генерал, рожденный революцией» расскажет читателю об Александре Федоровиче Мясвинове (Мясникяне), руководителе мяских большевиков в дни Октябрьской революции, способности которого раскрылись с особенной силой и яркостью в обстановке революционной бури.

Президентская библиотека
Республики Беларусь

III 10604-043
079(02)-77 301-77

© ПОЛИТИЗДАТ, 1977 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Над городом с самого утра висели тяжелые осенние тучи. И с самого утра, лишь с небольшими перерывами, сыпал мелкий нудный дождь, от которого поверхность уличного булыжника мерцала, словно наждачная бумага. Холодный, промозглый воздух заставлял прохожих зябко ежиться.

Однако в этот послеобеденный час на минских улицах, ведущих к городскому театру, было оживленно. Шли военные в шинелях и папахах, реже попадались штатские, в основном рабочие.

— Видите, народ валит туда, на торжественное собрание,— сказал угловатый и громоздкий солдат-гранатер, огромного роста, с пышными черными усами, обращаясь к идущей рядом женщине в накидке сестры милосердия.

— И он будет там? — спросила она. — Вы уверены в этом?

— Уверены, сестрица,— ответил солдат.— Нам сказали, что на сегодняшнем собрании он главный докладчик. Так ведь, Пролыгин? — повернулся он к другому гранатеру, шагавшему слева от сестры.

— Если вы читаете газеты, то, наверно, знаете: скоро в Питере открывается Второй Всероссийский съезд Советов,— сказал тот спутнице.— Вот товарищ Мясников и расскажет, что и как нам делать... Встретите его там, не сомневайтесь.

Он был много ниже своего товарища, кряжист и, конечно, тоже носил усы. Под мохнатыми бровями глубоко сидели выразительные глаза, которые, казалось, все время улыбаются чему-то — хитро, но добродушно.

— Спасибо,— сказала женщина.— И если не трудно, делайте, пожалуйста, не такие шаги, я вынуждена бежать!

— Фу ты дурында! — сердито воскликнул первый гренадер. И тут же пояснил: — Это я себя ругаю, виноват... Что поделаешь, за войну совсем отучились мы ходить рядом с женщиной... Три года только и слышали: «Шире шаг!.. Поспевай!»

— Да я понимаю... — улыбнулась женщина.— Ну, а вы, видно, очень интересуетесь политикой, а?

— А кто теперь не интересуется ею? — пожал плечами Пролыгин.— Теперь солдат, бывший крестьянин или рабочий, взялся за политику серьезно... Вон Марьин, — он кивнул на своего товарища, — председатель полкового комитета Восемнадцатого Карского гренадерского полка.

— А Пролыгин, — в свою очередь аттестовал друга Марьин, — так он даже член армейского военпревкома.

— Большевики? — не поворачивая головы, спросила женщина.

— Угадали, — на лице Пролыгина играла все та же улыбка.— А что?

— Да ничего, — пожала плечами женщина.

Они шли с вокзала, куда недавно со станции Городея прибыл санитарный поезд. С этим поездом приехала группа солдат из Второй армии для участия в юбилейном заседании Минского Совета. Когда Марьин и Пролыгин, громко разговаривая, упомянули имя руководителя минских большевиков Мясникова, к ним быстро подошла эта сестра милосердия, видимо из персонала санитарного поезда, и спросила, где она может найти товарища Мясникова. И Марьин предложил ей пойти с ними в городской театр.

Теперь, шагая рядом, он тайком разглядывал ее, она казалась маленькой и хрупкой. Глаза с длинными черными ресницами смотрят прямо, черные же вразлет брови озабоченно сдвинуты. Пухлый рот слегка приоткрыт от быстрой ходьбы. Несмотря на сырость и холод, женщина не вытягивала голову в воротник, а шла легкой, свободной походкой. «Ой хороша!..» — невольно залюбовался Марьин. И сразу же спутница, не поворачивая головы и не меняя направления взгляда, произнесла с укором:

— Хватит разглядывать меня, солдат, нехорошо это!

Солдат вздрогнул, смущенно отвернулся, крикнул с досадой (как она заметила, будто лишний глаз у нее под ухом!) и произнес чуть охрипшим голосом:

— Виноват, прощения просим... Это я к тому, что вы давеча сказали... будто он земляк ваш... Армянин то есть.

— Мясников?

— Угу. Ведь фамилия куда уж русская. И опять же имя-отчество — Александр Федорович... А?.. На фронте у нас все считают, что он казак с Дона. А вы — земляк, армянин!

— Что он с Дона — это правда. Рядом с Ростовом-на-Дону есть такой город армянский — Нахичевань. Там много армян с русскими фамилиями.

— А как они там очутились? — теперь уже заинтересовался и Пролыгин.

— Это долгая история... Из Крыма их переселили, еще при Екатерине Великой...

— Вот как... А ваш поезд когда вернется в Городею — завтра?

— Завтра. А что?

— Мы, может, и обратно с вами поедем. Если будет время — расскажем. Я больно такими вещами интересуюсь. Можно?

— Что ж, если будет время — расскажу. Только вы увлеклись и опять делаете саженные шаги...

— Виноват...— Пролыгин замедлил шаг, потом сказал: — Да вот он — театр! Уже пришли.

Перед зданием театра толпился народ, и кто-то кричал простуженным голосом: «Товарищи! Заседание начинается, заходите все, а то двери в зал закроем!»

В переполненном, шумном фойе Марьин сказал: «Вы тут погодите, я сейчас узнаю, где найти товарища Мясникова», — и взглядом начал искать, у кого бы спросить. Увидев невысокого солдата в очках, обрадованно крикнул:

— Щукин! Подойди-ка сюда!

Тот оглянулся, узнал его, помахал рукой: «А, Марьин, здорово!» — и пробился через толпу к гренадерам.

— Здоров, брат, — сказал Марьин. — Хочу сегодня выступить. Можно?

— Конечно, конечно, — кивнул тот. — Сейчас запишу тебя в список выступающих.

— Запиши. Вот еще, тут сестра милосердия из санпоезда, ищет Алешу.

— Почему Алешу? — не поняла его спутница. — Я ищу товарища Мясникова, Александра Федоровича!

— Ну так это же его партийная кличка, — удивленно сказал Марьин, — разве не знаете? А еще говорите — ваш земляк!

Женщина собралась было ответить, но тут Щукин произнес:

— Да вот и сам товарищ Мясников идет.

Женщина повернулась и увидела человека в старенькой, но ладно сидящей шинели с погонами прапорщика. Он был среднего роста, с карими глазами, резко очерченным ртом и аккуратным, совсем не «армянским», посом. В группе людей Мясников направлялся в глубь фойе, к двери, ведущей на сцену, но, видимо услышав свое имя, оглянулся — и сразу его взгляд остановился на сестре милосердия. Минуту он внимательно вглядывался, затем, широко улыбнувшись, направился к ней.

— Здравствуйте, Изабелла Богдановна, вы ли это? Какими судьбами?

— Здравствуйте, Александр Федорович, — женщина протянула ему руку. — Как хорошо, что вы не забыли меня... Меня послал к вам Виктор Иванович, мой муж... Помните его?

— Ну еще бы... Послал, говорите? Откуда, где он?

— В авиаотряде Второй армии. Я должна сообщить вам нечто важное... Очень...

— Очень?.. — Мясников в замешательстве оглянулся на своих спутников. — Понимаете, сейчас начнется заседание... Можете подождать до конца? Или это не терпит отлагательства?

— Да нет, в общем это не так срочно, — улыбнулась Изабелла Богдановна. — Я подожду, послушаю в зале.

— Пойдемте, — обратился к женщине Марьян. — А то скоро там и сесть пегде будет.

Изабелла Богдановна и гренадеры вошли в нетопленный зал. Кое-как отыскав в заднем ряду свободные места, они уселись. Гренадеры, словно телохранители, по бокам. Вокруг стоял гомон не успевших еще рассесться людей. Кто-то недалеко от них громко воскликнул:

— Ну, братцы, и холодна же тут — хуже, чем на улице!

Другой, видимо украинец, весело ответил:

— Ничо́го... надышим, на... — тепло будэ!

Марьян, приподнявшись с места, сердито одернул:

— Товарищи солдаты, прошу вести себя как полагаеся! Здесь же заседание Совета, а потом — есть женщины.

Изабелла Богдановна чуть не фыркнула и поспешно повернулась к Пролыгину.

— Скажите, кто был тот солдат в очках, с которым вы говорили в фойе?

— Шукин? Это же один из наших самых крепких товарищей, испытанный большевик.

— Гм... А почему ваш друг,— она кивнула на Мариюна,— обратился именно к нему, чтобы записал для выступления?

— Ах это... Так Щукин же еще с апреля член Фронтowego комитета. А когда недавно здесь был создан Северо-Западный областной комитет нашей партии, Щукин стал одним из его членов.

— А это большая должность?

Пролыгин искоса посмотрел на соседку, словно хотел проверить: а не разыгрывает ли та его? Но в глазах Изабеллы Богдановны был такой искренний интерес, что он сразу понял: несомненно образованная, но в этих вопросах она ничего не смыслит. И поэтому начал объяснять рас-судительно:

— Я вижу, вы все еще старыми мерками меряете: если человек сидит где-нибудь в министерстве или в городской управе, имеет чин и жалованье, то это уже шишка, а если он простой солдат и является членом областного комитета партии, которая не входит в правительство, то какой у него может быть вес? Ведь правда же так думаете? — Пролыгин, не ожидая ответа, продолжал: — Но вы не можете не знать, что сейчас массы — солдаты, рабочие и крестьяне уже не хотят идти за теми, кто сидит в нынешних министерствах и управах, а повернули к нам, к большевикам. (Изабелла Богдановна поспешно кивнула, чтобы показать, что она это уже знает.) Ну а раз так, выходит, что уже сегодня Щукин хотя и не сидит в кабинетах и не получает никакого жалованья, но посильнее тех, что имеют «должность». А завтра, когда мы возьмем власть, этот солдат будет такими делами ворочать, что дер-жись!

— Да? — Изабелла Богдановна как-то странно посмотре-ла на него. — Значит, вы твердо уверены, что не только сумеете взять власть, но и сможете переделать в стране все по-своему?

Пролыгин усмехнулся в усы и промолвил:

— Что ж, посидите тут, послушайте и потом, может, поймете, что к чему.

Наконец на сцене появились члены президиума. Почти все они, кроме двух-трех рабочих и одной женщины, были одеты в военную форму. Изабелла Богдановна сразу отличила среди них Мясникова и очкастого солдата, о котором только что шла речь. Нагнувшись к Пролыгину, она спросила шепотом: — А кто эта женщина?

— Доктор Терентьева, — также шепотом ответил грендер. — Из Красного Креста.

— Тоже большевичка?

— Само собой. Она член исполкома Совета и член Минского комитета партии.

— А вот тот, похожий на кавказца?

— Это товарищ Алибегов, председатель Минского комитета партии большевиков... А вот тот, что сидит рядом с товарищем Мясниковым, — председатель исполкома Ландер, латыш по национальности... А еще дальше сидит военный — Могилевский фамилия, еврей значит... Еще дальше — товарищ Черно, тоже латыш...

— И все они большевики? Весь ваш Совет?

— Нет, не все, конечно. Вон сидит с краю Перель — он бундовец, вон асер Полянский, есть и меньшевики. Но все они... — Пролыгин сделал пренебрежительный жест и с гордостью сообщил: — Теперь в Совете и в исполкоме главные — большевики...

В это время поднялся председатель Ландер, человек лет тридцати пяти, и открыл торжественное заседание небольшим вступительным словом. Он напомнил, что двенадцать лет тому назад в Петрограде был создан один из первых Советов, который представлял собой зачаток принципиально новой власти. Затем в этом году, после Февральской революции, вновь был образован Совет. И сейчас, после проведенных в сентябре перевыборов, когда большинство

в Совете и его исполнительном комитете получили большевики, он уже способен выполнить те важные задачи, которые поставлены революцией и историей вообще перед Советами в России...

Затем он предоставил слово для доклада Мясникову.

Изабелла Богдановна обратила внимание на то, что председатель сказал только: «Слово — товарищу Мясникову». Но, судя по тому, какими дружными аплодисментами встретили в зале вышедшего к трибуне прапорщика, представлять его было не нужно.

Воцарилась полнейшая тишина. Докладчик начал говорить не очень громко.

— Подобно тому, как во время Великой французской революции аббат Сийес сказал: «Третье сословие ничто, но оно хочет быть всем», то же самое можем сказать мы. В 1905 году Совет рабочих депутатов явочным порядком ввел свободу собраний, печати, а также восьмичасовой рабочий день... В нынешней великой российской революции все те Советы, которые стоят на революционной точке зрения, полагают, что они призваны творить новую государственную власть.

Потом Мясников подробно рассказал об истории взаимоотношений Временного правительства и Советов после Февральской революции. Объяснил, почему Советы, имевшие вначале полную возможность сразу взять власть в свои руки и осуществить все подлинно демократические преобразования в стране — покончить с опостылевшей и разорительной войной, решить земельный вопрос и так далее, — не сделали этого. Не сделали из-за предательской политики заседавших в руководстве Советов эсеров, меньшевиков и прочих соглашателей. Пошли на поводу у буржуазного Временного правительства и начали терять в массах авторитет, перестали быть органами новой, народной власти. Но после корниловского мятежа, в котором обнажилось подлинное лицо скобелевых и чхеидзе, массы от-

вернулись от соглашателей. Теперь они вновь обращают лицо к той единственной партии, которая никогда не сотрудничала с буржуазией и помещиками, а с самого начала призывала превратить Советы в единственную власть рабочих и крестьян. Вот почему с сентября Советы начинают все более леветь. И вместе с тем все более возрастает их авторитет в массах, их влияние в стране.

— Теперь перед Советами стоит вопрос об организации российской революции, о революционной власти, — продолжал Мясников, выйдя из-за трибуны на авансцену и тем как бы подчеркивая, что он перешел к самой важной части доклада. — Ее задачи — создание полного народовластия, полная свобода и раскрепощение народа, прекращение анархии в производстве. Эти задачи буржуазия не может выполнить... Мы требуем революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства... Армию мы должны вырвать из рук контрреволюции и порвать со всей буржуазией, как российской, так и союзных стран, окончить войну революционным путем. Если после этого английская, немецкая и тому подобная буржуазия объединится против нас, мы станем оборонцами. Но мы тогда будем защищать не позиции международного капитала, а позиции революционного пролетариата. Мы стоим и ждем: кто что посмеет предпринять против нас... Мы должны сказать ясно и открыто: если Временное правительство не передаст власть Советам, мы должны будем восстать и взять ее!

При этих словах зал весь напрягся, кто-то даже крикнул: «Ого!»

— Да, восстать и взять власть! — повторил Мясников, взглядом ища в зале того, кто крикнул. — Мы не могли делать этого до сих пор, потому что большинство народа еще не стало на нашу сторону. А теперь задача Советов — взять власть или, если это не удастся, погибнуть славной смертью. Такая власть немедленно разрешит вопросы о войне и о земле...

Под аплодисменты он направился к столу президиума. Изабелла Богдановна, которая выслушала речь Мясникова, подавшись всем телом вперед, чтобы не пропустить ни одного слова, теперь наконец усталым движением откинулась на спинку кресла и окинула взглядом окружающих людей... На серых, покрытых щетиной лицах появился румянец, глаза горят от возбуждения, крупные загрубевшие руки неловко, но сильно хлопают. Она снова посмотрела на сцену, где Мясников пробирался к своему месту у стола, и подумала: «Да, эти люди, кажется, добьются своего... Во всяком случае, они верят в правоту своих целей и в свою способность осуществить их».

И тут она вспомнила свою первую встречу с Мясниковым — полгода назад в поезде... Конечно, уже тогда этот человек с такими запоминающимися глазами произвел на нее достаточно сильное впечатление. Но разве могла она тогда подумать, что их случайный попутчик, скромный прапорщик, так быстро станет одним из самых популярных людей на Западном фронте, деятелем, к голосу которого с такой верой и надеждой прислушиваются сотни людей здесь, в этом зале, и тысячи и тысячи других — за стенами его, в Минске и многих других городах, в селах и фронтовых окопах? Да и слишком уж коротка и мимолетна была эта встреча, а она тогда была потрясена происшедшими вокруг и в собственной ее жизни крутыми переменами. В России произошла революция, все ликовали по поводу наступления «царства свободы и народовластия». Сама же она была ошеломлена тем, что неожиданно для самой себя дала согласие выйти замуж за русского летчика поручика Виктора Евгеньева...

Да, это решение — выйти замуж за русского — она приняла внезапно, не испросив даже согласия родителей, что для армянки из далекой провинциальной Эривани было неслыханным и дерзостным нарушением всех обычаев и норм религии. Правда, отец ее был человеком довольно

широких взглядов, общественным деятелем, сотрудничал в ряде газет, устраивал в Эривани любительские спектакли, причем много лет назад первым в городе позволил своей старшей дочери выступать в этих спектаклях, что по тамошним представлениям считалось позорным. Несмотря на ограниченные средства — жалование учителя истории в гимназии плюс доходы от небольшого сада в Разданском ущелье, — он все же сумел отправить сначала двух старших сыновей в Московский Лазаревский институт, затем в Германию, в Лейпциг, а позже решился на совсем уж немыслимый для эриванских обывателей шаг — отпустил младшую дочь, красавицу Забел, одну в Петербург — учиться на высших женских медицинских курсах.

Замужество дочери, не испросившей отцовского согласия, — это было уж слишком даже для него. Получив известие об этом ее шаге, он разразился длинным и гневным письмом. Он укорял ее за измену той высокой цели, которую она ставила перед собой, отправляясь учиться в столицу, — показать путь к просвещению и цивилизации тем молодым армянкам, чьи души до сих пор бродят в пустыне невежества, суеверий и глухих предрассудков. «Ты, паверное, помнишь притчу о вороне Ноя*, использованную нашим писателем Мурацагом в его повести. Никогда не думал я, что дочь моя окажется тоже вороной, которая, польстившись на такую пададь, как «офицер-дворянин, летчик из Гатчинской школы авиаторов», забудет о своем высоком патриотическом долге...»

* Согласно этой притче, Ной, пристав в своем ковчеге к горе Арарат, выпустил ворона, чтобы тот, обзрев окрестности, принес весть, не схлынула ли вода потопа и не появился ли достаточно удобный клочок земли, где могут обосноваться обитатели ковчега. Ворон нашел такое место, но, увидев там множество трупов людей и животных, начал лакомиться падалью и не вернулся к Ною. Тогда тот выпустил голубя, который вскоре и принес благую весть о том, что здесь можно начать новую жизнь. Эту аллегория использовал армянский классик Мурацан (1854—1908) в своей повести «Ворон Ноя».

Этот упрек особенно огорчил Изабеллу, так как она согласилась выйти замуж за Евгеньева отнюдь не потому, что соблазнилась его дворянским происхождением или близостью к аристократическим кругам гатчинских офицеров. Она была не из тех провинциальных дурочек, которых так привлекает положение в обществе.

Изабелла Богдановна приехала учиться в Петербург перед самой войной. Будучи от природы общительной и веселой девушкой, она быстро подружилась со многими курсистками. Потом появились и друзья-кавказцы из студентов Петербургского университета, Технологического института и других учебных заведений.

Когда началась война, курсистки-медички пошли на санитарную службу в военные госпитали. Их примеру последовали многие представительницы буржуазных, а то и аристократических кругов Петербурга. Большинство из них руководил искренний порыв облегчить страдания раненых фронтовиков. Другим же благородная и строгая одежда сестры милосердия служила лишь рекламой их патристических чувств.

Но так или иначе, Изабелла Богдановна попала в круг новых для нее лиц. Ее начали приглашать в аристократические салоны и на собрания молодых людей — штатских и офицеров, где увлекались символистами и акмеистами, пели душещипательные романсы, сегодня произносили ура-патристические речи о победе русского оружия, а завтра с циничной усмешкой рассказывали ужасающие истории о царском дворе, о немке-царице и Гришке Распутине, о слабоумии и слабоволии самого царя и о бездарности и продажности членов правительства — истории, из которых следовало, что при таких порядках война неминуемо будет проиграна...

В этих салонах царил атмосфера скоротечных влюбленностей и ухаживаний. Кое-кто из офицеров-гвардейцев и летчиков Гатчинской авиационной школы начал воло-

читься за нею. Один из летчиков, поручик Евгений, в отличие от остальных, по-видимому, серьезно увлекся ею. Он не делал никаких попыток к сближению, а, сидя где-нибудь в углу, неотрывно смотрел на Изабеллу Богдановну, когда та пела под аккомпанемент гитары русские или цыганские романсы или просто разговаривала с кем-либо. Глядел с молчаливым обожанием, но сразу испуганно отводил глаза, если она случайно обращала взгляд в его сторону. Однажды, наслушавшись «сладостно-дурманящих» стихов акменстов, Изабелла решила прочесть им стихи Аветика Исаакяна из только что вышедшего в свет сборника «Поэзия Армении»:

Твоих бровей два сумрачных луча
Изогнуты, как меч у палача.
Все в мире — призрак, ложь и суета,
Но будь дано испить твои уста,
Их алое вино, —
Я с радостью приму удар меча:
Твоих бровей два сумрачных луча
Изогнуты, как меч у палача.

Присутствующие, конечно, сочли стихи слишком старомодными, прямолинейными и «по-восточному цветистыми». И лишь Евгений, впервые нарушив «обет молчания», решительно заявил:

— А по-моему, в этих нескольких строках заключено большое и искреннее чувство по-настоящему любящего мужчины!

Но, как ни странно, эта внезапная поддержка не обрадовала Изабеллу Богдановну: она верным жепским чутьем угадала, что стихи понравились летчику потому, что выражали его собственные чувства к ней.

И, вероятно, их отношения никогда бы не перешагнули за черту «шапочного знакомства», если бы однажды именно этот летчик не очутился в той офицерской палате госпиталя на Васильевском острове, где дежурила Изабелла.

В тот вечер сестра милосердия, сдававшая ей дежурство, сказала усталым голосом:

— Сегодня в нашу палату поместили поручика Евгеньева,— помнишь, такой угрюмый летчик из Гатчины? У бедняги перелом левой ноги, вывихнута и правая, а на животе и груди столько рваных ран: целый час пинцетом вытаскивали кусочки дерева и щепок...

— Как, разве он был на фронте? — поразилась Изабелла.

— При чем тут фронт... Грохнулся вместе с самолетом на свой же аэродром при учебном полете. Такая ужасная профессия... Ну ладно, пойду отдыхать.

Изабелла Богдановна прошла в палату. При тусклом свете настольной лампы она увидела Виктора Ивановича.

Он лежал на спине с закрытыми глазами. Его лицо, чуть скуластое, с упрямыми губами, сейчас стало совсем некрасивым: как-то посерело, прямые светлые волосы прилипли к потному лбу, губы были плотно сжаты и лишь иногда вздрагивали... Изабелла Богдановна поняла, что раненый не спит. Она нагнулась к нему и тихо позвала.

Виктор Иванович на минуту замер, потом приподнял веки и мутными, невидящими глазами посмотрел на нее. И лишь немного погодя его глаза широко открылись и в них отразилось удивление, недоверие, потом — радость, радость!

— Вы? — судорожно глотнув ртом воздух, спросил он. — Вы — здесь?..

— Ну да, я ведь работаю сестрой в этой палате...

— Господи... Вот не ожидал... Это же счастье!

Изабелла Богдановна невольно оглянулась, потом поспешно спросила:

— Вам очень больно?

— Больно. Но ничего, вы побудьте... если можно... мне будет легче... — Он застонал от очередного приступа боли.

— Нет, я все же пойду принесу морфий и сделаю

укол,— решительно сказала Изабелла.— Вы так не сможете уснуть, а сон вам сейчас нужен более всего...

— Нет, нет! — замотал головой Евгений.— Не нужно мне морфия. Летчикам нельзя. И спать мне не нужно, лучше посидите со мной...

— Ну, от одного-двух уколов вы морфинистом не станете, а посидеть с вами я могу, но при условии, что вы будете послушным больным.

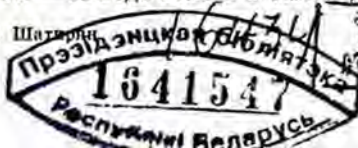
— Ладно, я буду послушен вам, позволю делать с собой все, что угодно, но только... побудьте со мной как можно дольше. Мне это нужно, очень нужно сейчас...

Изабелла Богдановна ушла в дежурку, чтобы приготовить шприц с раствором морфия. Этот сдержанный и молчаливый человек так бурно, почти не скрывая своих чувств, с первой минуты выразил свою радость при виде ее! Она достаточно хорошо знала о том, насколько меняются даже самые суровые и сдержанные люди после ранения. Пережитое, страх перед смертью делают их похожими на детей, блуждавших в темном и сыром лесу и наконец попавших домой. Они ищут ласки и заботы, чтобы успокоиться, увериться, что их любят, жалеют, готовы защитить... Только после этого они способны поесть и уснуть. С этим летчиком, вероятно, стряслось то же самое, думала она. Господи, представить только себе, что он чувствовал, когда его самолет стремительно падал вниз... Ужас какой! И разве она имеет право в такую минуту сразу дать ему понять, что отнюдь не питает к нему иных чувств, кроме сострадания?

Изабелла Богдановна сделала ему укол, потом принесла белую больничную табуретку и уселась возле койки.

— Ну вот, скоро утихнет боль, вы уснете, а я буду тем временем сидеть возле вас...

— Спасибо,— прошептал Евгений. Некоторое время он как бы прислушивался к тому, что делается в нем, потом произнес: — А ведь боль и в самом деле утихает...

— Морфий...

— Нет, это не морфий, это вы... И пока вы будете возле меня, я не буду чувствовать никакой боли...

Изабелла слегка нахмурила брови и сказала притворно строгим голосом:

— Послушайте, Виктор Иванович, я запрещаю вам говорить об этом и вообще о чем-либо. Спите...

— Слушаюсь,— покорно улыбнулся Евгенийев.

Но стоило Изабелле сделать движение, как он сейчас же открывал глаза и цеплялся за нее просящим взглядом. Она замирала на месте, и так они оставались некоторое время. Наконец она не выдержала, сказала шепотом:

— Да спите вы! Не уйду я никуда, не уйду...

— Спасибо...— так же тихо сказал он.— Я вот смотрю на вас... В белом халатике, в косынке с крестиком... такая необыкновенная... И думаю: зачем вы ходите туда, на эти сборища? Что общего между вами и этими расфуфыренными девицами да фатоватыми офицерицами? Зачем поете им свои песни, читаете стихи? Разве не видите, что они ничего не понимают в этом и в душе считают вас провинциальной простушкой?..

— Что они думают обо мне — меня не трогает. Когда я кончу курсы — распрощаюсь с ними навсегда. А вот вы — почему вы так ополчились против них? Это же ваше общество.

— Мое? — Евгенийев презрительно скривил губы.— Я-то всего раза два был там... И этого достаточно, чтобы понять: это гниль, источающая сладкий запах, но заражающая все вокруг притворством, ложью в мыслях и делах, цинизмом. И ушел бы после второго раза, ушел бы навсегда, если бы не вы. Извините за банальное сравнение... В общем, вы помните, как у Крылова сказано об этом...

— И решили вытащить бриллиант,— она насмешливо ткнула пальцем себе в грудь,— из навозной кучи?

— Да нет,— вздохнул Евгений с огорчением,— я понимал, что это смешно и что стоит мне заикнуться — и вы прогоните меня. И все же я не мог не ходить туда... Сидел и злился на них, на себя и... простите, па вас...

Изабелла Богдановна почувствовала, что разговор дошел до опасной грани, и заявила:

— Ну вот, мы снова с вами разговорились. Я вынуждена заявить, что, если вы сейчас же не закроете глаза и не уснете, я уйду отсюда! А вообще-то мы с вами успеем поговориться обо всем, не беспокойтесь.

— А ведь правда! — с радостным удивлением воскликнул летчик.— Ведь я тут пролежу не меньше месяца. И буду видеть вас... Так что — молчу, сплю!

...Он пролежал в госпитале не один, а более трех месяцев. И за это время они действительно успели поговорить обо всем. Евгений

...Рассказывал не раз
События личной жизни, год за годом
Описывая превратности судьбы...

Вдавался в глубь времен и доходил
От детских дней до нынешней минуты...

Рассказывал, как он беды избег
На волосок от смерти...

И тогда случилось то, что случалось в мире тысячи раз. В беседах зародилась любовь Изабеллы Богдановны к Евгеньеву. Он преобразился в ее глазах, она увидела его цельность, увлеченность своим делом, честность и даже смелость. Рассказ о том, как он «беды избег на волосок от смерти», особенно покорила ее. Одним словом, она дала согласие на замужество.

И вот через некоторое время после выхода из госпиталя они вместе отправились к нему в имение под Дорогобужем, недалеко от Смоленска...

Они вынуждены были добираться туда через Оршу.

Когда поезд Петроград — Минск — Москва прибыл в Оршу, супруги весьма удачно устроились в освободившемся купе, где остался всего один пассажир, какой-то прапорщик. Как только Евгеньевы в сопровождении бородастого носильщика появились в купе, прапорщик деликатно вышел в коридор, чтобы не мешать им устраиваться. И лишь после того, как носильщик, расовав вещи под сиденья и на верхние полки, ушел, прапорщик вернулся в купе.

— Позвольте представиться. Прапорщик Мясников. Буду досаждать вам своим присутствием до станции Дорогобуж. Разрешите сесть?

Виктор Иванович буркнул: «Поручик Евгеньев», но и не подумал представить свою молодую супругу. Изабелла Богдановна уже успела заметить с тех пор, как они поженились, что муж не очень охотно представлял ее посторонним мужчинам. Это претило ее общительной натуре. Она питала неутолимый интерес к новым людям, а в поездах они, как правило, становятся очень разговорчивыми и иной раз услышишь такие поразительные истории... И, бросив на мужа укоризненный взгляд (у, бирюк!), она сама представилась:

— Изабелла Богдановна, бывшая курсистка высших женских медицинских курсов... Ныне же помещица, едущая в свое имение, что недалеко от того самого Дорогобужа, куда направляетесь вы...

По улыбке Мясникова она поняла, что прапорщик — явно из интеллигентных людей — уловил таящуюся в ее словах насмешку и понял, что ее забавляет новое для нее положение «помещицы»...

Мясников был в форменном френче, с португеей и погонами, на груди висели два ордена. Он внимательно разглядывал эту пару. Изабелла Богдановна угадывала причину этого: видимо, их попутчик обратил внимание на то,

что ее супруг — типичный русский, а она — ярко выраженная южанка...

Чуть погодя она сама спросила с улыбкой:

— Пытаетесь угадать, какой же национальности эта помещица?

Мясников смутился, но потом сказал просто:

— Простите, пожалуйста, но я действительно стараюсь понять это... Что вы с юга — это мне ясно, но какой именно национальности?

— Что же, скажу; я армянка, и настоящее имя мое — Забел, а по отчеству я вовсе не Богдановна, а Аствацатуровна, ибо Аствацатур по-армянски и означает «богом данный», «Богдан»...

Она выжидательно посмотрела на Мясникова, а тот, вдруг расхохотавшись, сказал:

— А хотите, и я вас удивлю: ведь я тоже армянин и, представьте, тоже Аствацатурович, но в отличие от вашего мое отчество переведено не на русский, а на греческий лад: Федорович, Александр Федорович...

Изабелла Богдановна (впрочем, как и Виктор Иванович) в самом деле была поражена. Она недоверчиво изучала лицо Мясникова. И тогда Мясников сказал:

— Что, не верите? — И прибавил на чистейшем армянском: — Уверю вас, я настоящий армянин и, как сказано во всех документах, армяно-григорианского вероисповедания...

— А фамилия? — спросила по-русски Изабелла Богдановна. И тут же ее осенила догадка: — Погодите... Вы из новонахичеванских армян, правда? Ведь у тамошних армян много таких русских фамилий: Купцовы, Шелковниковы, Зерновы, Серебряковы, Медниковы... Мой отец говорит, что эти фамилии образовались после того, как ваши предки переселились из Крыма на берега Дона...

— Совершенно верно, — кивнул Мясников. — Поэтому есть у нас и «крымский» ряд фамилий: Налбандовы, из

которых вышел Микаел Налбандян, Айвазовы, родственная ветвь которых дала художника Айвазовского, есть Карагёзовы, Халибовы и так далее. А вот имена у нас даются большей частью самые что ни на есть армянские: Лусерес, Хочерес, Месроп, Хорен... Наши старики уверяют, что имена эти держатся со времен Анийского царства... Ведь вы, наверное, знаете, что в Крым наши предки переселились из Ани — древней столицы Армении?

Изабелла Богдановна кивнула ему и многозначительно посмотрела на мужа, словно говоря: «Вот видишь, как интересно».

И, чтобы втянуть Виктора Ивановича в разговор, спросила:

— А ты знаешь, когда это было — Анийское царство? В девятом — одиннадцатом веках... А когда оно пало, то на берегу Средиземного моря возникло Киликийское армянское царство Рубенидов. Тогда киликийские цари вели совместно с крестоносцами борьбу против сарацинов и часто заключали брачные союзы с франкскими королями и другими вельможами. Один из них, царь Левон Второй, например, женился на Сибилле, дочери кипрского короля Амори Лузиньяна и Изабеллы Плантагенет, и в честь последней назвал свою дочь Изабеллой, после чего это имя — Забел — вошло в армянские святы. А зато армянское имя Рубен проникло к испанцам и потом уже в Латинскую Америку...

— Да ну? — с искренним удивлением произнес поручик. — А я никакого представления об этом не имею.

«Фу ты, наконец-то подал голос!» — подумала Изабелла Богдановна и, чтобы заставить его совсем разговориться, решила раздражить его.

— Да уж, дорогой муженек, в том-то и разница между мной и тобой, — ехидным тоном сказала она. — Вот я русскую историю выучила в гимназии на зубок, могу перечислить всех русских царей и цариц, благо, их всего-то

полтора десятка, начиная от Михаила Романова и кончая Николаем Вторым, которого вы скovyрнули полтора месяца назад. А у нас одних царских династий было с десятков, да в каждой полтора-два десятка царей... И ни об одном из них ты ничегошеньки не знаешь!

Она помолчала, ожидая, что скажет на это муж. Но поскольку тот только виновато улыбался, Изабелла Богдановна с искренним возмущением воскликнула:

— Ну что ты за тихоня у меня такой, а? Наговорила тебе всякую чушь, а ты даже отвечать не хочешь!

— А что отвечать? — все так же улыбаясь, спросил Евгенийев.

— Ну хотя бы сказал: «Мало ли что у вас было когда-то... А вот твой отец — отец, а не дед! — когда в молодости задумал первый любительский спектакль поставить, так вынужден был сам играть роль героини, поскольку во всем городе не нашлось ни одной армянки, которая согласилась бы «опозориться», выйдя на сцену»... Ведь я же сама рассказывала тебе об этом. Рассказывала же!

— Ну, рассказывала... Но как же я могу говорить тебе такие слова?

— Ну, видали? — негодуяюще всплеснув руками, повернулась она к Мясникову. — А ведь он же у меня герой, не Молчалин какой-нибудь. А вот со мной...

Евгенийев бросил на жену укоризненный взгляд: мол, при посторонних-то...

В эту минуту она совсем не думала о том, что втягивает в свои семейные отношения случайного попутчика. Уже тот небольшой разговор, который произошел между ними, почему-то сразу расположил ее к этому прапорщику. Она сразу угадала в нем какую-то основательность и одновременно сердечность, умение быстро раскусить даже незнакомого собеседника и точно его оценить.

— А знаете, Изабелла Богдановна, по-моему, ваш супруг придерживается самой правильной тактики: на его ме-

сте я бы тоже не стал возражать вам: опасно. — И, поймав благодарный взгляд Евгеньева, Мясников, еще раньше заметивший хромоту поручика, его трость, на которую он опирался не очень умело, обратился к нему: — Разрешите полюбопытствовать, господин поручик, на каком фронте вы были ранены?

— Да не на фронте он... — ответила вместо мужа Изабелла Богдановна. — И назвала я его «героем» отнюдь не за ранение, которое он получил, грохнувшись с высоты в сто саженей.

— Это в каком смысле? — не понял Мясников.

— В самом прямом: ведь Виктор Иванович — летчик-инструктор в Гатчинской военно-авиационной школе... — Тут Изабелла Богдановна посмотрела на своего насупившегося мужа и вдруг сказала просящим тоном: — Я знаю, Витенька, тебе неприятно, что я говорю об этом, но ведь сейчас пришло время, когда не только можно, но и нужно рассказывать об этом... Нужно, понимаешь!

По лицу Виктора Ивановича было видно, что он вовсе не разделяет эту ее уверенность. Но он опять не счел возможным возразить жене и молча отвернулся. А Изабелла Богдановна продолжала:

— Так вот, Виктор Иванович — инструктор в Гатчинской школе авиаторов. Вы что-нибудь понимаете в авиации? (Мясников сделал неопределенный жест.) Я тоже мало что смыслю в этом деле, но в человеческих отношениях я все же немного разбираюсь, и мне давно стало ясно: хотя в первое время в эту школу и поступали одни лишь лица дворянского происхождения, но это все же были настоящие спортсмены, отважные люди и энтузиасты авиации. Едва ли может быть, чтобы вы не слышали о знаменитом летчике Нестерове, первым сделавшем «мертвую петлю» на аэроплане и совершившем перед войной за один день перелет из Киева в Гатчину. А теперь всякие высокородные аристократы в этой школе окончились... — Иза-

белла Богдановна вновь оглянулась на угрюмо молчавшего мужа, но решила высказаться до конца: — Ну, сначала это принималось за выражение патриотизма, — ведь летать опасно, даже если в тебя не стреляют враги. Но потом выяснилось, что даже школа авиаторов может быть для них хорошим убежищем, чтобы избежать фронта и при этом ходить в героях...

— Каким образом? — удивленно спросил Мясников.

— А вот таким: числится некий князь... скажем Волобуев-Пещерский, в школе, а живет в своем петроградском особняке. Каждое утро их сиятельство паряется в кожаные брюки и тужурку, надевает краги и шлем с огромными очками-консервами, садится в собственный автомобиль и торжественно катит по петроградским улицам мимо окон великосветских барышень, вызывая их восторги своим прямо-таки орлиным видом. На гатчинский аэродром он прибывает уже за полдень и, не вылезая из авто, первым делом смотрит: нет ли на небе туч да не дует ли ветерок? А под Петроградом, как вы сами понимаете, и облачность, и ветры далеко не редкость. Тогда их сиятельство, сославшись на пелетную погоду, так и не вылезши из автомобиля, едет прямехонько в Гатчинский дворец, где у него есть достаточно друзей среди офицеров-гвардейцев, и начинает бражничать с ними или играть в карты. Ну, а если, на его несчастье, небо совершенно чистое и на деревьях не шелхнется ни один листик, то он, тяжело вздохнув, вылезает из автомобиля и, постукивая стеком по крагам, направляется к аэроплану, который с самого утра для него подготовили к полету механики...

Тут Изабелла Богдановна поднялась и изобразила «их сиятельство» шествующим к аэроплану. И тут же заметила, как Мясников скосил глаза в сторону Евгеньева и, увидев, что тот готов расхохотаться, догадался, что она чрезвычайно удачно копирует некое конкретное лицо.

— ...Потом их сиятельство наконец устраивается на сиденье аэроплана, приказывает механикам запустить мотор и... начинает рулить по летному полю, — продолжала Изабелла Богдановна. — Мотор тарахтит, пропеллер вертится, а он так и катит взад и вперед, разве что оторвется от земли на аршин-полтора и снова плюхнет вниз. Поколесив этак с полчаса по полю, он считает тренировку оконченной, глушит мотор, снова садится в автомобиль и едет обратно в Петроград. И так — не месяцы, а годы подряд!

— Погодите, господин поручик, а разве нет твердо установленных сроков обучения летчиков в школе?

Виктор Иванович явно обрадовался, что разговор переходит от его служебных отношений в школе к технической стороне организации учебного дела, и от его угрюмости не осталось и следа.

— Видите ли, установлению таких жестких сроков мешает ряд обстоятельств: ведь полеты в аппаратах тяжелее воздуха — дело новое, многие теоретические основы его еще не до конца выяснены, а уж о том, чтобы успеть изложить в учебниках и наставлениях, как это, скажем, сделано в морском деле, артиллерии или других родах войск, и говорить нечего. Да и в самих аппаратах нет единообразия: рядом с серийными заграничными «фарманами» и «фоккерами» есть много отечественных аппаратов, выпущенных, увы, в нескольких экземплярах.... Посему пока не может быть единообразия также и в освоении материальной части и обучении полетам. Наши опытные инструкторы, конечно, знают, сколько примерно надо времени, чтобы человек средних способностей овладел своим аппаратом и начал надежно летать. Но у нас допускается, что один может добиться этого на месяц раньше, а другой — на месяц позже среднего срока, в соответствии с чем и аттестуют курсантов к выпуску...

— Вот этим и пользуется начальство школы, — объяснила Изабелла Богдановна. — Поскольку выпуск курсантов

проводится по мере их готовности, то многие задерживаются в школе до бесконечности долго...

И тут Евгенийев тоже не выдержал. Словно разорвав какие-то сковывающие его путы, он произнес с неожиданным жаром:

— Беда не в том, что эти господа сами засиживаются в школе бессовестно долго... Ведь из-за ограниченного количества летательных аппаратов мы можем принимать на обучение весьма малое число курсантов, и, стало быть, эти господа мешают подготовке других, дельных летчиков, столь нужных фронту... На Западе, у французов, англичан да и у германцев тоже, ежегодно готовятся сотни летчиков. Все больше расширяется сфера деятельности авиации, она уже не ограничивается простым наблюдением за противником, разведкой тылов и связью, а чаще применяется для поддержки войск с воздуха, бомбометания по важным объектам на фронте и по узлам железных и шоссейных дорог в тылу, преграждения подхода резервов противника... А мы отстаем, снова отстаем от них!

— Ну, теперь я, кажется, могу сам сказать, в чем заключалось ваше «геройство», — произнес Мясников серьезно. — Вы предложили начальству отчислить этих господ и принять новых курсантов. Так?

Евгенийев молча кивнул.

— И тем навлекли на себя недовольство?

— Да еще в какой форме! — ответил Евгенийев, насупив брови. — Меня пригласил к себе начальник школы и, постукивая костяшками пальцев по списку, который я ему представил, произнес: «А вы, оказывается, лишены дворянской чести, поручик... Посмотрите только, какие фамилии вы хладнокровно начертали собственноручно на этой бумажке — цвет русского дворянства! Вы предлагаете направить их, не завершивших обучения, на фронт, то есть на убой!» Понимаете, Александр Федорович, — Евгенийев и

сам не заметил, что обращается к собеседнику, как к давно знакомому человеку, — ведь я из мелкопоместной, «служилой» семьи. Из поколения в поколение в нашем роду сыновья шли служить в армию и полагали, что в этом и заключается дворянская честь. А теперь выходит, что мое предложение, чтобы эти господа перестали бить баклуши в тылу и пошли на фронт воевать, противоречит «дворянской чести». Вы знаете, после этого я начал думать, что России — конец...

— Ну, России вы зря торопитесь предрекать конец, — повел плечами Мясников. — А вот ваша... авария в воздухе? Она как-нибудь связана с этой историей?

Евгеньев не ответил и снова испуганно-просяще посмотрел на жену, словно призывая ее к молчанию. Но Изабелла Богдановна теперь тем более не хотела молчать, поэтому произнесла жестко:

— Да.

— Не уверен... — возразил Евгеньев. Но при этом глаза его вновь спрятались за бровями.

— Да! — еще громче и упрямей повторила Изабелла Богдановна, уже злясь на мужа. — Об этом списке, составленном Виктором Ивановичем, конечно, узнали те, кто был занесен туда, и пришли в бешенство. Они потребовали удаления Виктора Ивановича из школы, но этого, конечно, нельзя было сделать открыто. И тогда в один прекрасный день в моторе его самолета оказалось замененным... как это называется? — спросила она мужа, но, поскольку тот молчал, сама вспомнила: — Да, магнето... Не спорь, Витя, ты знаешь, что оно было снято и заменено старым и испорченным! — строго сказала она мужу. Затем — Мясникову: — И едва Виктор Иванович поднялся в воздух, как мотор перестал работать и аппарат камнем упал вниз...

Мясников устремил вопросительный взгляд на поручика, и тот наконец поднял глаза.

— Не уверен...— сказал он.— Не могу поверить, что это было сделано умышленно. Вы знаете, мы получаем эти магнето из Франции, но так как они нужны и для автомобилей, то в последнее время часты стали случаи, когда из комплекта самолета вдруг исчезают магнето. Какие-то лица вытаскивают их из ящиков то ли в Мурманске, то ли в Архангельске и продают по баснословной цене владельцам частных автомобилей. Правда, на моем аппарате, как на инструкторском, всегда стояло исправное магнето, но в этот день оно отказало после нескольких минут работы. К счастью, раньше, чем я успел подняться слишком высоко... Но ведь эту замену исправного на кое-как починенное магнето мог произвести кто-нибудь из механиков, польстившись на куш, предложенный спекулянтами. Такие случаи у нас, увы, возможны.

Изабелла Богдановна давно понимала, что муж сам не верит в эту версию, но упорно цепляется за нее, ибо боится самого страшного — окончательно увериться в полнейшем моральном разложении окружающих его людей.

— Вы не потребовали провести расследование? — спросил Мясников.

— Вот! — торжествуя воскликнула Изабелла Богдановна.— Вот что я твержу ему все это время! Ведь теперь, когда произошла революция, даже простые, неграмотные мужики не хотят мириться с несправедливостью.

И она торопливо рассказала Мясникову о том, как в их госпитале к одному раненому солдату приехал земляк с Псковщины. Его за что-то высек помещик, и он, не добившись справедливости на месте, не смирился, добрался до Петрограда. Изабелла Богдановна написала по просьбе раненого прошение на имя Шингарева — министра земледелия в новом, Временном правительстве...

— Ну и дурак он, этот твой мужик, и зря ты старалась — писала для него прошение,— полусутоливо-полу-

серьезно огрызнулся Евгений. — Эка невидаль: в России выпороли мужика... А он еще явился в столицу искать правду!

— А то, что в столице революция, — это ничего не значит, да? — запальчиво спросила Изабелла Богдановна. — Что царя свергли и теперь у нас будет республика — ничего? Неужели, по-твоему, и при республике будут пороть крестьян?

— Ну, можно подумать, что крестьян порол сам царь, — усмехнулся поручик. — Ведь их пороли мы, помещики, а нас-то еще не собираются свергать... Стало быть, крестьян будут пороть и дальше.

— Мы? — взорвалась Изабелла Богдановна. — Не хочешь ли сказать, что ты тоже порол крестьян и собираешься заниматься этим и впредь?

Этот ее возмущенный и грозный вопрос не на шутку испугал Евгеньева, и он сразу пошел на понятный:

— Побойся бога, Беллочка! Ни я, ни родители мои никогда не позволяли себе такого. Я просто хотел сказать, что помещиков, измывающихся над крестьянами, в России осталось предостаточно и то, что теперь и тех и других пазывают «гражданами», ничего не меняет.

Изабелла Богдановна обратилась за помощью к Мясникову:

— Вы тоже так думаете, господин прапорщик?

К ее удивлению, тот задумчиво ответил:

— Боюсь, что ваш супруг прав.

Ей стало обидно, что двое мужчин так единодушно несогласны с ней, и она выпалила:

— Вы оба просто крепостники какие-то! — Она сердито отвернулась, но тут же снова обратилась к ним: — А все же хотите вы того или нет, но в России с этим безобразием будет покончено!

Теперь уже Мясников, откровенно любуясь, посмотрел на нее, потом повернулся к Евгеньеву:

— Ну как, господин поручик, хотим мы этого или не хотим?

— Я-то хочу, но...

— Но, судя по настроениям у вас в Гатчине, не очень-то верите в такую возможность? Не верите, например, что расследование по случаю аварии вашего аэроплана будет проведено.

— Не хочу заниматься этим...— глухо сказал Евгенийев.— Есть в этом что-то такое... грязное...

— А вы не думаете, Виктор Иванович, что именно для того, чтобы избавиться от грязи, вам нужно заниматься этим? — тихо, но настойчиво спросил Мясников. И, видя, что собеседник не откликается, он продолжал: — Это нужно сделать даже не для вас, не для того, чтобы отомстить тем, кто, возможно, решил таким способом отделаться от вас... Ведь вы же сами сказали: фронту нужны летчики, да и вообще борьбу, которую вы начали, нужно продолжать.

Евгеньев поднял голову, спросил насмешливо:

— Попросить Беллочку написать еще одно прошение?

— А вы, значит, не верите в прошения?

— Да ведь все они сидят там споконьенко: и начальник, и господа, о которых я писал... Встретили меня с улыбкой, преподнесли вот эту трость с серебряной ручкой,— Евгенийев поднял трость, протянул Мясникову: — Поглядите, здесь выгравированы фамилии именно тех, кто был в моем списке,— они зла не помнят...

— Или, наоборот, это — напоминание тебе! — вдруг словно осенило Изабеллу Богдановну.

Евгеньев посмотрел на нее с удивлением.

— Не знаю...

— Надеюсь, летать впредь сможете? — спросил Мясников.

— Смогу. Буду летать всем назло! — Но тут же Евгенийев добавил упавшим голосом: — А вот в школе, чув-

ствую, я больше не жилец. Пошлют на фронт...— И, боясь, что его неправильно поймут, поспешно пояснил: — Не думайте, я не боюсь этого, а в данной ситуации сам считаю за благо убраться отсюда.

Они помолчали, глядя на проносящиеся мимо поезда деревья, одетые в первую свежую листву.

— Для честного человека отправка на фронт, само собой, благородный выход,— задумчиво произнес Мясников.— Однако в данной ситуации это будет не очень смелым шагом... Ведь, насколько я понял, вы опытный инструктор, умеете и любите обучать людей летному делу. Стало быть, с точки зрения интересов того же фронта лучше, чтобы вы оставались в школе и готовили новых летчиков.

— Вы все о том, чтобы я продолжал борьбу с ними? — поморщился Евгенийев.— Да говорю же я вам: несмотря на революцию, они сидят там очень даже уверенно — не сдвинешь... А начать борьбу, зная наверняка, что проиграешь,— какой смысл?

Он снова уставился в окно, а Мясников вдруг задал вопрос, обращаясь уже не к поручику, а к Изабелле Богдановне:

— А почему вы не спросите меня, для чего я еду в Дорогобуж?

Изабелла Богдановна пораженно посмотрела на него и вдруг засмеялась:

— А ведь правда! Выболтала все о нас, а вот вы... А какие у вас дела в Дорогобуже?

— Я в первые годы войны командовал там учебным батальоном. А сейчас меня пригласили туда как члена Фронтового комитета — читать лекцию. И как раз о вопросах, которые мы здесь затронули.

— Об авиации? — удивилась она.

— Да нет,— улыбнулся Мясников.— О крестьянах, которых стали называть «гражданами», но все еще порют

во всех концах России. О царских генералах и офицерах, которые по-прежнему крепко сидят на своих местах. Словом, о революции, о том, что она дала и, увы, все еще не дала народу...

Изабелла Богдановна сразу почувствовала, как муж весь внутренне подобрался. Его сузившиеся до щелочек глаза изучали лицо Мясникова, потом скользнули по орденам Анны III степени и Станислава на его груди.

— Вы что, господин прапорщик, принадлежите к какой-то партии? — глухо спросил он.

Изабелла Богдановна прочитала в глазах Мясникова нечто вроде жалости, словно тот хотел сказать: «Ах бедняга, до чего испугался: военный человек занимается политикой!» А что ее муж именно так и полагает (истинный солдат должен держаться подальше от политики), она уже знала. Как-то во время их бесед он сказал, что его покойный отец никогда не подавал руки жандармским офицерам, ибо они занимались политикой, хотя и не отрицал неизбежности их существования. Это чисто кастовое самоотстранение от политики даже удивило тогда Изабеллу Богдановну, — ведь в их семье занятие политикой никто не считал зазорным. Наоборот, ее старший брат, осевший после возвращения из Германии в Тифлисе, вел близкое знакомство с членами многих партий — дашнаков, кадетов, эсеров — и как-то даже три дня прятал у себя какого-то бежавшего из ссылки социал-демократа...

— Принадлежу, — подтвердил Мясников с усмешкой. — Вот уже одиннадцать лет.

Но так как он не сказал, к какой именно партии принадлежит, то Изабелла Богдановна начала гадать:

— Кадет? Октябрист? — Усмешка на лице Мясникова стала еще откровенней, и она продолжала перечислять: — Эсер? Трудовик? — Она запнулась.

— Ну что же вы? — спросил Мясников. — Не знаете больше, какие есть в России партии?

— Неужели... социал-демократ?

— Угу. Большевик.

— А-а... — невольно вырвалось у Евгеньева. Лицо его стало мрачным, и он кивнул на ордена Мясникова: — А носите царские ордена!

— Ношу, — серьезно сказал Мясников. — Я их заслужил в боях. Этот в пятнадцатом году под Варшавой, а этот — в шестнадцатом, уже в Белоруссии...

— А говорят, ваши-то против войны? — спросил Евгеньев.

— Против, — согласился Мясников. — Объяснить? Мы ведь не вообще против войны, не пацифисты. Мы против этой войны, ибо она империалистическая, захватническая. Она выгодна лишь верхам, а народу приносит только горе и разорение...

Евгеньев ушел в себя, как черепаха в панцирь: смотрел в окно, хотя было ясно, что внимательно слушает. Но его жена не умела так, она должна была поспорить.

— И что же? — спросила она. — Вы ведь все равно участвуете в этой войне!

— Конечно, — кивнул Мясников. — Иначе народ подумал бы, что мы просто дезертиры, что все наши протесты против войны вызваны трусостью. На самом же деле многих из нас не берут в армию, но мы сами идем на фронт под чужой фамилией, участвуем в боях, получаем ранения и ордена за храбрость, но одновременно разъяряем своим товарищам, в чем подлинная суть этой бойни и что нужно делать, чтобы прекратить ее.

— А что еще делать? — спросила Изабелла Богданова. — Самодержавие уже свергнуто...

— Но, как мы установили с вами, в деревнях все еще порют мужичков, а в Гатчинской школе авиаторов, как и повсюду в армии, продолжают сидеть на своих местах царские генералы и офицеры, ведя ту же войну «до победного конца».

Евгеньев наконец вылез из панциря.

— Ну и что вы собираетесь делать с этими генералами и офицерами?

— В двух словах? — спросил Мясников. — Гнать их в шею!

— А кто же будет командовать полками, дивизиями и армиями? Не вы ли, случайно?

Это был явный выпад, и Изабелла Богдановна хотела было вмешаться, но Мясников опередил ее, ответив совершенно спокойно:

— Мои слова относились к системе в целом, господин поручик. Но если вам угодно начать с частного примера, то есть с вашего покорного слуги, — что ж, не возражаю... С самого начала войны я занимаюсь в пехоте примерно тем же, чем вы в авиации: готовлю унтер-офицеров для маршевых батальонов, отправляемых на фронт. И должен сказать, что я тоже не нахожу идеальной системы подготовки младших командиров. Объясняется все просто: самодержавие, господствующие классы не заинтересованы давать слишком много знаний унтер-офицерам, в основном выходцам из народных масс. Наши верхи считают, что излишняя широта знаний может дать унтерам излишнюю пиццу для нежелательных размышлений... Ну и, чтобы покончить с моим примером, укажу еще на одно обстоятельство: в течение войны я не раз отправлялся во главе маршевых батальонов на фронт, принимал участие в сражениях, приобрел немалый боевой опыт и в случае нужды не побоялся бы взяться и за полк, а то и дивизию...

— Вот как? — воскликнул Евгеньев. — А можно узнать, кем вы были до войны?

— Я окончил юридический факультет Московского университета и поступил на службу помощником присяжного поверенного, но началась война и меня призвали в армию... Ну что вы усмехаетесь, господин поручик? —

улыбнулся Мясников.— Убеждены, что если полками и дивизиями начнут командовать прапорщики, да еще из бывших присяжных поверенных, то армии каюк, не так ли?

— Спасибо, что вы сами сформулировали мою мысль,— сухо кивнул Евгенийев.

— Не могу согласиться с вами,— спокойно возразил Мясников. И вдруг придвинулся к собеседнику: — Хотите знать, почему меня лично не продвигали по службе? Потому, во-первых, что офицерский, и особенно старший офицерский, состав нашей армии формируется в основном из дворянского сословия, а я к нему не принадлежу. Во-вторых, я «инородец». Но самое главное, начальству, по-видимому, были известны мои политические взгляды, во всяком случае, я считался «неблагонадежным», и пускать такого, как я, в армейские верхи было бы весьма и весьма неблагоприятно. И надо признать, что, с точки зрения господствующих классов, это достаточно логично и понятно. Но вот в отношении к вам...

— Что вы хотите сказать? — резко спросил Евгенийев.

— Ведь вы и русский, и дворянин, и потомственный военный, да и в политическом отношении куда уж благонадежней... Так почему же они так ополчились против вас и даже чуть не угробили?

— Милостивый государь! — вдруг вспылил поручик. — Позвольте сообщить вам, что подобные высказывания я считаю неуместными!

Изабелла Богдановна заметила, как на секунду, только на секунду, глаза Мясникова стали холодными и колючими, и поспешно воскликнула: «Витя!» Но Мясников уже овладел собой и покачал головой:

— Нехорошо, поручик, нечестно так спорить... Вы сами сочли возможным именно на моем примере раскрыть свои взгляды, но не признаете за мной права на вашем примере доказать, что вы ошибаетесь... — Он сделал паузу.

зу, ожидая возражений, но, так как их не последовало, продолжал: — Итак, вы, честный русский офицер и дворянин, далекий от политики, обнаружили, что в вашем училище подготовка летчиков поставлена плохо, из-за чего страдает отечественная авиация. Движимый самыми лучшими побуждениями, думая только о благе родины, России, вы внесли предложения, чтобы устранить недостатки и в какой-то мере укрепить нашу авиацию. Казалось, эти предложения должны были встретить самое внимательное и доброжелательное отношение, не так ли? А вышло как? На вас не только разозлились, начали упрекать в «отсутствии патриотизма», но и дошло до того, что устроили преднамеренную аварию вашего аэроплана. Почему, спрашивается? Да потому, что вы со своей наивной честностью полагали, будто родина, Россия — это русский народ, русская армия, солдаты и офицеры, которые на фронте терпят поражения и страдают от того, что у нас меньше ружей и патронов, меньше орудий и снарядов, меньше аэропланов и летчиков, чем у противника... А в представлении вашего начальства, Россия — это они, «волобуевы-пещерские» (Мясников кивнул в сторону Изабеллы Богдановны как автора этого определения), и все то, что плохо для них, плохо и для России. Вот почему вас обвинили в «непатриотичности», господин поручик. Ведь вы, сами того не ведая, замахнулись на систему, на самую суть ее! И этот проступок был тем более нетерпим, что его допустил не какой-нибудь прапорщик (Мясников ткнул пальцем себя в грудь), выходец из низов, «инородец» и «вольнодумец», а русский дворянин и потомственный офицер. Это уже измена, понимаете ли, измена своему классу! А изменников, как известно, ненавидят больше, чем откровенных врагов.

— Ну, знаете ли... — саркастическая улыбка на лице поручика явно призвана была скрыть растерянность. — Вы так можете меня и в социал-демократы произвести.

— Ну что вы, что вы,— чуть насмешливо возразил Мясников.— До этого еще оч-чень далеко... Но что вы сейчас находитесь в деликатном положении — это несомненно. Ведь вам теперь волей-неволей предстоит сделать трудный выбор: или признать, что Россия — это «волобуевы-пещерские» и надо защищать их и только их интересы, или же, оставаясь верным вашим прежним представлениям о подлинной России, согласиться со мной, что нужно вслед за царем прогнать в шею и всех тех, кто продолжает прежнюю политику...

Минуту в купе слышался только стук колес вагона. Потом Изабелла Богдановна воскликнула с веселым изумлением:

— А ведь господин прапорщик положил тебя на обе лопатки, Витя! Я еще зимой, когда услышала твои рассказы о порядках в школе, думала примерно то же самое, хотя не решалась сказать тебе.

— А я пока так не думаю! — впервые за все это время зло сверкнул на нее глазами Евгений. И обернулся к Мясникову: — Что касается выбора моего дальнейшего пути — с кем идти и куда, — то можете не беспокоиться, как-нибудь разберусь сам!

— Да уж придется, — почти примирительным тоном кивнул Мясников.— Ну а теперь давайте отвлечемся от наших личных судеб и вспомним хотя бы опыт Великой французской революции. Тогда ведь тоже основная часть дворян-офицеров ушла в контрреволюцию. Но народ дал из своих недр десятки тысяч новых командиров, и в том числе таких прославленных генералов и маршалов, как Гош, Даву, Мюрат, Ней и другие, не считая самого Наполеона.

Но, кажется, именно этим примером он испортил впечатление от предыдущей победы. Изабелла Богдановна знала, что ее муж еще не готов воспринимать столь далеко идущие сравнения. И он, действительно, сказал:

— Боюсь, что я не в состоянии разделить ваши взгляды, господин прапорщик. Россия — не Франция, да и обстановка у нас совершенно не та, поэтому я не верю, что у нас появятся свои Мюраты и Даву, которые превратят русскую армию в победоносные колонны Наполеона. Скорее всего, наши р-революционеры добьются того, что армия распадется и германцы захватят и разорвут в клочья несчастную Россию...

Сказав это, Евгенийев резко отвернулся, явно показывая, что не намерен дальше продолжать разговор. Мясников понял это и, минуто помолчав, вышел в коридор. Изабелла Богдановна с мужем, сидя в купе, тоже молчали, глядя в окно на проплывающие мимо деревья, только недавно покрывшиеся клейкой, лоснящейся яично-зеленой листвою...

— ...Слово для выступления предоставляется председателю полкового комитета Восемнадцатого гренадерского Карского полка товарищу Марьину! — объявил со сцены Ландер.

Очнувшись от этого голоса и от того, что сидящий рядом Марьин быстро поднялся с места и начал пробираться между рядами кресел, Изабелла Богдановна перевела глаза на сидящего за столом президиума Мясникова, вновь с острым любопытством рассматривая его и думая о том, с какой настойчивостью шел этот человек к цели, о которой говорил в тот день в поезде. Ведь вот же он стал одним из руководителей той партии, которая почти полностью завладела мыслями и думами народа и армии и собирается на деле осуществить идеи, которые еще полгода назад казались Изабелле Богдановне и ее мужу просто фантастическими...

И в это время она снова увидела того солдата в очках, Щукина, который, видимо, куда-то уходил, а теперь воз-

вращался из-за кулис к столу президиума. Сев рядом с Мясниковым, он начал что-то шептать ему на ухо. Но тут на трибуну вышел Марьян, и Изабелла Богдановна с непонятным для нее самой интересом начала слушать его речь.

— Со станции звонили наши — Голубев и Четырбок, — говорил в это время Мясникову Шукин. — Полчаса тому назад прибыл Чернов. Его встречали Нестеров, Кожевников и Злобин из Фронтowego комитета, адъютант главкома Завадский да несколько десятков делегатов крестьянского съезда...

— Гм... ясно, — тихо прозвнес Мясников. — Постарались создать видимость помпы?

— Ага... Сразу повезли в штаб фронта. Наверное, разрабатывать «стратегию и тактику» завтрашнего съезда.

Речь шла о съезде, который должен был открыться завтра в этом же зале. Это была затея эсеро-меньшевистского руководства Фронтowego комитета, которое намеревалось накануне открытия II Всероссийского съезда Советов созвать здесь, в Минске, съезд солдат-крестьян. Мясников знал, что делегаты съезда тщательно подбирались из состава старых солдатских комитетов, давно уже не отражавших настроения войсковых частей, — на девяносто процентов это были проэсеровски настроенные лица. И то, что на этот съезд прибыл сам Виктор Чернов, прозванный «мужицким министром», свидетельствовало о далеко идущих целях противников большевиков: протащить на съезде резолюции, которые должны создать впечатление, будто основная масса солдат Западного фронта все еще поддерживает Временное правительство. «Ну да, — думал Мясников, — вызвали «тяжелую артиллерию», чтобы дать нам здесь бой. Что же, посмотрим, насколько это им удастся...»

И Мясников тоже стал слушать речь Марьяна.

—...После Февраля у нас все были за эсеров, но уже к

лету в нашем полку насчитывалось восемьсот большевиков и тысяча двести сочувствующих,— говорил тот.— Фактически весь наш полк стал целиком большевистским. Даже командир полка полковник Водарский хотя и беспартийный, но остался с нами... Так вот, месяц назад Временное правительство решило расформировать наш полк, и именно за наши убеждения... Товарищи! В дни смертельной борьбы с врагами трудового народа — капиталистами и буржуазией, в дни подготовки к выборам в Учредительное собрание буржуазное правительство для «блага родины и революции» расформировывает боевые полки!.. Одним махом генеральских приказов, тоже якобы «во имя свободы», разрушают налаженные с громадным трудом полковые организации и комитеты... Но пусть знает Временное правительство, что Карсский полк не пойдет с ними! Наши сердца с теми, кто открыто борется за право бедного люда... Мы с теми, кто борется за немедленный мир без аннексий и контрибуций! Наш полковой комитет постановил: приказ верховного командования, то есть Керенского, о расформировании Восемнадцатого Карсского полка не выполнять и сохранить полк как боевую единицу. Мы уже послали делегатов в Питер, чтобы сообщить об этом Керенскому...

Зал встретил эти слова громом аплодисментов и криками: «Правильно! Молодцы, гренадеры!»

«Что ж, посмотрим, что тут сможет поделывать Чернов», — повторил мысленно Мясников, обращаясь к тем, кто сидел во Фронтовом комитете и в штабе фронта.

Он проводил взглядом Марьина, пробиравшегося обратно на свое место в зале, и тут только заметил сидящую там женщину в накидке сестры милосердия. «Ах да, — вспомнил он, — ведь она приехала, чтобы сообщить мне нечто очень важное... Говорит, что ее послал муж... Интересно, как они очутились здесь, в Минске? И что хочет сообщить именно мне этот угрюмый человек, человек на перепутье?»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мясников эту встречу в поезде тоже не сразу забыл. Еще тогда, выйдя из купе и став у окна вагонного коридора, он с усмешкой досады думал, что Евгеньев оказался заурядным и довольно толстокожим офицером, неспособным преодолеть в себе сословные предрассудки... Сколько раз за время войны Мясников встречал таких офицеров, казалось бы умных, начитанных, думающих, которые в разговорах открыто заявляли, что да, Россия, и в частности ее армия, руководится дурно. Признавали, что протекционизм, вся система назначения на руководящие посты в правительстве и армии из членов царской фамилии и ее приближенных, без учета природных способностей и знаний, привели русскую армию к позорному поражению в японской войне. И что в эту войну тоже армия вступила плохо подготовленной, поэтому терпит поражения и проливает реки крови. Но стоило сказать собеседнику: «Вы правы, надо гнать этих бездарей вон из армии!», как сразу в ответ раздавалось: «А кто их заменит? Кто?.. Ах, из народа выйдут нужные люди...»

Да, высокомерное пренебрежение этих людей к народу, неверие в его творческие силы были беспредельны и непоколебимы. Этого поручика, видимо, больше всего поколебало заявление Мясникова о том, что в случае нужды он не побоялся встать во главе полка или дивизии. Услышать такое от обыкновенного «прапора», да еще из присяжных поверенных,— вот уж дожили... Ну как объяснишь такому ограниченному офицеру, который ничего, кроме своей школы авиаторов, не видел и который шарахается от политики, как черт от ладаи, что слова «могу взяться за полк и даже дивизию» продиктованы отнюдь не карьеризмом, не желанием попасть в число «сильных мира сего», а совсем иными соображениями? Разве втолкуешь ему, что классово-эгоистическая политика «волобу-

евых-пещерских», с которой Евгеньев только-только столкнулся, давно уже вызывает яростный протест в стране, что этот протест не раз уже перерастал в вооруженные схватки, а они в свою очередь пробуждали у многих людей, и в том числе у самого Мясникова, мысль о том, что если хочешь добиться свободы, то надо учиться военному делу, надо уметь не только стрелять из револьвера или бросать самодельные бомбы, но и командовать ротами, батальонами, полками и дивизиями!

И теперь, стоя у вагонного окна, Мясников невольно думал: вот если бы можно было взять этого Евгеньева и с помощью некой уэллсовской «машины времени» провести по дорогам своей жизни, показать то, что видел он, Мясников, дать прочесть то, что читал он,— тогда уж тот, наверно, не стал бы фыркать: «А кто же заменит генералов? Не вы ли, случайно?»

Да, начать с тех юных лет, когда он еще жил в Нахичевани-на-Дону, которую сами армяне называли Новой Нахичеванью, в отличие от старой Нахичевани на реке Аракс... Этот городок, вместе с несколькими армянскими селами представлявший собой островок, капризом истории попал в центр вольного донского казачества. «Отцы города», духовенство и купечество, всячески пытались уберечь этот островок от «пагубного влияния» всяких прогрессивных идей. Но это были тщетные потуги, ибо само географическое положение колонии предопределяло проникновение передовых общественных идей и взглядов русских демократических и революционных кругов. Не случайно, что именно отсюда вышли еще в середине прошлого века поэт и общественный деятель Рафаель Патканян и такой замечательный революционер-демократ, как Микаел Налбандян, единомышленник Чернышевского, друг Герцена и Огарева. Да, среди новонахичеванской учащейся молодежи трудно было найти того, кто бы не знал его стихотворения «Свобода» или хотя бы не слышал о

его знаменитом труде «Земледелие как верный путь». А Мясников, в раннем детстве потерявший отца и познавший нужду, уже в годы учебы в местной церковноприходской школе, а затем в духовной семинарии отличался необычной для своего возраста серьезностью и начитанностью. Поэтому запавшие еще тогда в его душу семена демократических идей Налбандяна дали весьма ранние всходы. Но жизнь шла вперед, и эти идеи претерпевали значительные изменения, главным образом под влиянием событий, происходящих в соседнем бурно растущем Ростове-на-Дону... Жилые дома и заводские корпуса этого города все ближе подступали к Нахичевани, грозя поглотить ее. Местный магистрат, основываясь на дарованных Нахичевани еще при ее основании правах «вольного города», потребовал проведения между Ростовом и Нахичеванью своеобразной «нейтральной полосы» — узкого поля, которое засеивалось льном... Однако эта преграда была иллюзорной: Нахичевань постепенно втягивалась в бурный ритм жизни промышленного Ростова и начинала впитывать настроения и идеи, которые зрели среди тамошних рабочих*.

Вот куда бы надо взять этого офицера — в Ростов той дождливой осени 1902 года, когда там вспыхнула общегородская стачка! Чтобы он вместе с ним, шестнадцатилетним Алешей, и его сверстниками, перебежав через то льняное поле, своими глазами увидел бунт рабочих, доведенных до отчаяния нуждой, штрафами, издевательствами хозяев. Чтобы увидел, как в течение не одного, не двух, не пяти дней, а целых трех недель это все более разгоралось, словно костер, в который подбрасывают новые и новые охапки хвороста... Чтобы увидел все более многочисленные митинги, услышал взволнованные и волнующие,

* В настоящее время Нахичевань слилась с Ростовом и составляет его Пролетарский район. А армянские села объединены в Мясниковский район Ростовской области. — (Прим. авт.).

будоражающие, пьянящие слова протеста против рабской жизни, слова о том, что пора, пора наконец добиться свободы. И чтобы замерло его мальчишеское сердце при виде войск с нацеленными против безоружных винтовками. Услышал бы он сухие, дробные залпы и дикие, пронзительные крики... И затем увидел бы многотысячное похоронное шествие и снова слышал речи, клятвы, призывы к мщению. И еще позже — аресты, аресты, аресты, запавшие на всю жизнь в память суровые лица тех, кого под конвоем вели по улицам в тюрьму, и плач детей, и проклятия женщин...

Впрочем, подумал Мясников, если бы этот Евгений был тогда с ним, пареньком из Нахичевани, то, вероятно, как и Алеша, еще не понял бы, свидетелем какого огромного события он стал. Ведь сам Мясников по-настоящему осмыслил значение этих событий лишь несколько лет спустя, когда, став большевиком, прочитал в «Искре» статью Ленина о Ростовской стачке.

«Но вот вспыхивает в Ростове-на-Дону одна из самых обыкновенных и «будничных», на первый взгляд, стачек, — писал Ленин, — и приводит к событиям, которые показывают воочию всю нелепость и весь вред предпринятой соц.-революционерами попытки реставрировать народолюбчество со всеми его теоретическими и тактическими ошибками. Охватив многие тысячи рабочих, стачка, начатая из-за требований чисто экономического характера, быстро вырастает в политическое событие, несмотря на крайне недостаточное участие в ней организованных революционных сил. Толпы народа, доходившие, по свидетельству некоторых участников, до 20—30 тыс. чел., устраивают поражающие своей серьезностью и организованностью политические собрания, на которых читаются и комментируются с жадностью соц.-демократические прокламации, говорятся политические речи, разъясняются самым случайным и неподготовленным представителям

трудящегося народа азбучные истины социализма и политической борьбы, преподаются практические и «предметные» уроки обращения с солдатами и обращения к солдатам. Администрация и полиция теряют голову (может быть, отчасти вследствие ненадежности войска?) и оказываются не в силах помешать устройству в течение нескольких дней невиданных на Руси массовых политических сходок под открытым небом. И когда, наконец, пускается в ход военная сила, толпа оказывает ей отчаянный отпор, и убийство товарища служит поводом для политической демонстрации на другой день над его трупом...»

Но больше всех запечатлелись в памяти Мясникова следующие строки Ленина:

«Мы видим действительный отпор толпы, и неорганизованность, неподготовленность, стихийность этого отпора напоминает нам, как неумно преувеличивать свои революционные силы, как преступно пренебрегать задачей внесения вот в эту, настоящим образом борющуюся у нас на глазах толпу большей и большей организованности и подготовленности. Не создавать посредством выстрелов поводы для возбуждения, материал для агитации и для политического мышления, а научиться обрабатывать, использовать, брать в свои руки тот материал, которого слишком достаточно дает русская жизнь, — вот задача, единственно достойная революционера».

Но раньше, чем Мясников прочитал эти строки и начал размышлять над ними, он стал очевидцем и участником еще одного, еще более мощного революционного взрыва, однако, увы, тоже закончившегося поражением.

Окончив нахичеванскую армянскую духовную семинарию, Мясников в 1904 году поехал в Москву и поступил в гимназические классы Лазаревского института восточных языков, благо там платили стипендию. Это высшее учебное заведение, основанное почти век тому назад князьями Лазаревыми в Армянском переулке, подготовило

не одно поколение специалистов, многие из которых заняли достойное место в научной, литературной и политической жизни России. Но главный контингент учащихся института состоял из армян, прибывающих как с Кавказа, так и с берегов Дона и Волги, из Крыма и Бессарабии, из Туркестана и других концов России. Многие знаменитые русские ученые, а также Микаел Налбандян, Смбат Шахазиз и другие прогрессивные армянские деятели, преподававшие в институте, сумели превратить его в одно из передовых учебных заведений страны. Ко времени, когда Мясников приехал в Москву, она стала центром наиболее революционно настроенного рабочего класса, сумевшего взять под свое влияние также и значительные слои студенчества, в том числе из Лазаревского института...

Юношеские годы, годы учебы... Интересно, как прожил эти годы Евгенийев. Для Мясникова это была самая счастливая пора, ибо он обогащался не только знаниями, которые давал институт, но еще больше знаниями, которые черпал из жизни. Сколько было новых встреч, знакомств, разговоров, споров — об идеях, фактах и явлениях, партиях и их программах! В России назревала революция, на заводах проходили стачки, среди студентов из рук в руки передавались нелегальные прокламации, газеты... И девятнадцатилетний Мясников с головой ушел во все эти дела, участвовал в сходках, во встречах с рабочими, выступал на дискуссиях, тайно распространял революционные листовки...

Да, и вот еще на что не мешало бы посмотреть этому Евгенийеву — на Московское восстание 1905 года! Тут дела были погорячей, чем в Ростове. Пресня покрылась баррикадами, героически сражаясь с наступавшими со всех сторон полицейскими, драгунами и прибывшими из Петербурга гвардейцами Семеновского полка. Мясников входил в одну из боевых групп, которые поддерживали связь между пресненцами и остальными районами Москвы, под

огнем доставляли окруженным оружие, самодельные бомбы и продовольствие.

Когда восстание было потоплено в крови, Мясников снова и снова задавал себе вопрос: «А почему? Неужто народ никогда не сумеет завоевать свободу? Неужто он всегда будет слабее регулярной армии, лучше вооруженной и управляемой?»

Ответы на эти вопросы он снова получил от большевиков, с которыми познакомился, в литературе, которую они давали ему читать, в частности в материалах III съезда РСДРП, где вопрос о вооруженном восстании пролетариата был одним из главных, и в особенности в статьях Ленина об этом вопросе. Так, в статье «Революционная армия и революционное правительство» Ленин писал:

«Возьмите военное дело. Ни один социал-демократ, знающий хоть сколько-нибудь с историей, учившийся у великого знатока этого дела Энгельса, не сомневался никогда в громадном значении военных знаний, в громадной важности военной техники и военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений. Социал-демократия никогда не опускалась до игры в военные заговоры, она никогда не выдвигала на первый план военных вопросов, пока не было налицо условий начавшейся гражданской войны. Но теперь все социал-демократы выдвинули военные вопросы, если не на первое, то на одно из первых мест, поставили на очередь изучение их и ознакомление с ними народных масс. Революционная армия должна практически применить военные знания и военные орудия для решения всей дальнейшей судьбы русского народа, для решения первого, насущнейшего вопроса, вопроса о свободе».

Это были удивительные слова и мысли. Значит, партия социал-демократов давно уже поставила перед собой задачу овладения военными знаниями, военной техникой, что-

бы решить этот «первый, важнейший вопрос о свободе»? Значит, у них есть «великолепные знатоки» военного дела — Энгельс и другие, труды которых надо обязательно читать, знать?

Вот каким образом ваш покорный слуга, милейший поручик, получивший в 1903 году аттестат зрелости с указанием: «Дан сей Мясникяну Алексею, Армяно-Григорианского вероисповедания нахичеванскому-на-Дону мещанину» и прочее, пришел к мысли, что ему нужно обязательно овладеть военными знаниями, овладеть не для того, чтобы служить «вере, царю и отечеству», а для того, чтобы в решающий час новой неминуемой битвы суметь бороться с царскими генералами и офицерами на равных! — мысленно говорил Мясников, стоя у окна вагона.

Впрочем, к этой учебе Мясникову сразу не удалось приступить: до этого ему надо было пройти другую школу — школу революционера. Вернувшись после окончания гимназических классов Лазаревского института в Нахичевань, он вступил в ряды РСДРП, сразу примкнув к ее ленинскому, большевистскому крылу. Осенью того же года стремление продолжить учебу заставило его вернуться в Москву и поступить на юридический факультет университета. Нечего и говорить, что с первых же дней учебы он начал вести среди студентов большевистскую пропаганду. Но тут выяснилось, что обстановка там, как и повсюду, резко изменилась. Подавив Московское восстание, царское правительство перешло в контрнаступление и начало «очищать» высшие учебные заведения от «крамольных элементов» и «вольподумцев». Мясников, не обладавший еще опытом конспирации, очень скоро попал в поле зрения полиции и месяца через два был арестован, затем выслан из Москвы.

Он уехал в Баку, крупнейший тогда промышленный центр Закавказья. Здесь, под руководством таких опытных деятелей партии, как Степан Шаумян, Прокофий

Джапаридзе, Богдан Кнуниац и другие, Мясников учился в новых и тяжелых условиях реакции сочетать нелегальные формы революционной борьбы с легальными приемами работы в массах, одновременно неустанно пополняя свои теоретические знания в области марксизма. Однако в 1908 году ему все же удалось вернуться в Москву и поступить в университет. Теперь, обладая изрядным опытом конспиративной деятельности, он вел подпольную пропагандистскую и организаторскую работу среди студенчества уже так искусно, что ни один полицейский шпик не мог придраться к нему.

В 1911 году, блестяще окончив юридический факультет Московского университета, он был призван в армию. Великие и малые державы Европы уже лихорадочно готовились к схватке за передел колоний и источники сырья, уже были заключены и заключались явные и тайные блоки и союзы, готовились запасы оружия и боеприпасов, кадры обученных солдат и офицеров. В России тоже все выпускники высших учебных заведений должны были пройти годичную службу в армии, после чего получали первое офицерское звание прапорщика.

Вот тут-то перед Мясниковым открылась возможность по-настоящему изучить не только теорию, но и практику военного дела. Если он и раньше брался за любое дело с чрезвычайной серьезностью и ответственностью, то теперь он поражал окружающих рвением, с каким изучал материальную часть оружия и тактику, взаимодействие войск и разведывательное дело. Он усердно штудировал все уставы и наставления, учился стрелять из винтовки, револьвера, пулемета, колоть штыком, двигаться на учениях ползком или перебежками. Иные, не знавшие его близко, с удивлением пожимали плечами: «И зачем надо было этому Мясникову идти в университет... Вот, не успели дать ему в руки ружье — и выиграла казацкая кровь, гляди, до чего старается». Начальство же, осведомленное,

что он никакой не казак, все же не могло не отметить его ревностную службу, широкие познания в теории, впрочем не подозревая, что этот новоиспеченный юрист еще до армии успел прочитать не только сочинения русских генералов Драгомирова, Леера и Милютина по тактике, стратегии и устройству войск, знаком не только с трудами Клаузевица и Дельбрюка, Жомини и Кеммерера, но и есть авторов, которых изучали в русской академии генеральского штаба, но и досконально изучил военные труды Маркса и Энгельса, Меринга и Ленина, о существовании которых еще не имели представления ни в одной академии мира.

Уволившись в 1912 году в запас, Мясников до 1914 года служил помощником присяжного поверенного в Москве и Петербурге, не прекращая подпольной партийно-организаторской и легальной журналистской деятельности.

Но вот началась мировая война, и Мясникова вновь призвали в армию. Аттестация, данная ему при присвоении звания прапорщика, — глубокое знание теории военного дела и уставов — стала причиной того, что его направили в 121-й запасной полк в качестве начальника учебной команды, готовящей унтер-офицеров для маршевых батальонов. И он вскоре действительно прекрасно поставил дело подготовки младших командиров в своей команде. Но он был прежде всего большевиком, поэтому наряду с военной учебой неустанно занимался политическим просвещением солдат как в своей команде, так и во всем полку. Чуждаясь общества реакционно настроенных офицеров, он тайком собирал на своей квартире будущих унтер-офицеров, к которым питал доверие, и скоро создал из них большевистскую группу. А затем он начал устанавливать связь с большевиками в других частях гарнизона и армии.

В пятнадцатом и шестнадцатом годах, когда на Западном фронте — то под Варшавой, то на Брест-Литовском направлении — шли ожесточенные сражения с нападаю-

щия немецкими армиями и потери в русских войсках доходили до ужасающих размеров, с тыла на фронт отправлялись все новые и новые маршевые батальоны с пополнением. И каждый раз Мясников возглавлял один из них, укомплектованный унтер-офицерами из его команды. Конечно, ему, большевику и принципиальному противнику империалистической войны, тяжело было видеть, как из-за пехватки пушек и винтовок, снарядов и патронов, из-за нераспорядительности и равнодушия высшего командования гибнут тысячи и тысячи людей, в том числе немало и тех, с кем он успел подружиться в своей команде и сделать их своими единомышленниками. Но он стискивал зубы и только повторял мысленно: «Погодите, погодите же... Придет время, и мы рассчитаемся с вами за все это!»

С наступлением затишья на фронте его вновь возвращали в свой запасной полк в Дерогобуже — готовить унтер-офицеров. И тогда он использовал наблюдения, сделанные на фронте, чтобы осмыслить многие явления современной войны. Так, в конце 1916 года он обобщил эти наблюдения и мысли в тезисах под названием «Сравнительный взгляд на русский, немецкий и австрийский уставы полевой службы», где, сопоставляя строение и тактику пехоты этих трех воюющих армий в различных видах боя, постановку разведки, строевой службы и так далее, показал их зависимость от общего экономического и технического развития каждой страны. Эти тезисы он использовал как дополнительный материал для занятий с унтер-офицерами команды, хотя по программе те должны были изучать только существующие уставы и наставления для русской пехоты. Офицеры же, которым доводилось знакомиться с этими тезисами, кто с удивлением, кто с насмешкой говорили: «Прапорщик Мясников вознамерился превратить свою команду «ундеров» в академию генерального штаба...»

...Ну, а чуть позже случилось то, что должно было случиться: самодержавие пало... Конечно, это было великое дело, но кто-кто, а Мясников понимал, что это — только начало. И вот пооди ж ты, все чаще и чаще Мясников встречал людей, которые, как этот Евгеньев, уже видели, понимали, откровенно говорили, что и после свержения царя почти ничего не изменилось, что повсюду сидят все те же чиновники да генералы, но и сейчас достаточно сказать им: «Надо вслед за царем прогнать и этих», как сразу же раздавался тот же полный недоверия и возмущения возглас: «А кто их заменит?» Эх, люди, люди, когда вы научитесь понимать ваш народ, верить в его талант и силу?

— Еще раз здравствуйте и извините меня, что заставил так долго ждать, Изабелла Богдановна, — сказал Мясников, когда после окончания торжественного заседания они встретились в фойе.

— Ну что вы, Александр Федорович, наш санитарный поезд все равно должен стоять на станции до самого утра, так что мне некуда было деваться. А здесь, на заседании, я услышала много интересного.

— Вот как? А скажите, пожалуйста, каким образом вы очутились здесь? Ведь, насколько я помню, весной вы отправлялись в имение вашего мужа с намерением остаться там до окончания войны, не так ли?

— Верно, так. Но когда через месяц Виктор Иванович, окончательно излечившись, вернулся в Петроград, его уже ждало назначение в авиаотряд Второй армии. — Тут только Изабелла Богдановна заметила, что они уже вышли на улицу, и, забеспокоившись, спросила: — А куда мы теперь пойдем?

— Пойдемте в областной комитет. Это недалеко отсюда, на Петроградской, в здании бывшего реального учи-

лица. Там же находится и Минский Совет... Итак, ваш супруг попал во Вторую армию. А вы?

— Ну а я некоторое время жила с его родными — матерью и двумя сестрами. Очень, очень милые люди, и кажется, я им тоже понравилась. Но жизнь в деревне оказалась для меня слишком монотонной и скучной. Да и обидно было: не успела выйти замуж, как муж уехал на фронт... Вы понимаете мое состояние?

— Я угадываю, что для такой женщины, как вы, трудно было примириться с этим.

— Я и не примирилась: написала письма врачам нашего госпиталя в Петрограде и попросила помочь устроиться в какое-нибудь медицинское учреждение поближе к штабу Второй армии... И что вы думаете, устроили все как нельзя лучше — старшей сестрой в санитарном поезде, вывозящем раненых из полосы Второй армии в тыловые госпитали.

Сзади них, грохоча сапогами по булыжной мостовой, шла группа людей, и Мясников подумал, что это, наверное, Ландер, Шукки и другие, которые, как и он сам, каждый вечер допоздна сидели в Совете и в областном комитете партии, где всяких дел у каждого была уйма.

— И как же отнесся ваш муж к этому?

— Ха! Видели бы вы, как он был потрясен, когда я позвонила ему по полевому телефону в Несвиж и сообщила, что нахожусь в четырнадцати верстах, на станции Городея, в санпоезде. Он взял у кого-то коня, примчался туда и впервые позволил себе кричать на меня... Но это только поначалу. Он ведь ко мне действительно очень привязан, поэтому через несколько дней уже начал хвалить, что я так все здорово придумала и мы можем часто встречаться. Тем более, что к этому времени у него опять настроение стало препаршивое...

— По какой причине?

— Понимаете, когда он прибыл в свой авиаотряд, как

раз началось летнее наступление наших войск. Ну, он тогда искал забвения, что ли, от гатчинских переживаний, поэтому не очень задумывался, нужно ли, полезно ли это наступление. Он был рад, что может снова летать, и не раз совершал отчаянные разведывательные полеты над немецкими позициями и тылами... Насколько понимаю, пользы особенной эти полеты не принесли армии, но в разведотделе штаба Виктора Ивановича оценили за храбрость. Офицеры-разведчики дружили с ним и делились новостями...

Разговаривая, они подошли к зданию Совета. Здесь, несмотря на темень на улице, былолюдно: беспрестанно входили и выходили какие-то солдаты, рабочие, слышалась то русская, то белорусская, а то и польская речь. Они поднялись по лестнице на второй этаж, где была комната, служащая Мясникову кабинетом; в углу стояла железная койка с солдатским матрацем и серым одеялом. Мясников помог Изабелле Богдановне снять пальто, усадил за стол и попросил рассказывать дальше.

— Так вот. В последнее время Виктор Иванович выглядел чем-то сильно озабоченным. Когда приезжал ко мне в Городею или когда мне удавалось вырваться и поехать к нему в Несвиж, я замечала, что он все время сосредоточенно хмурится, а на мои вопросы, что его беспокоит, пожимает плечами. А вчера (вчера какое — 21 октября?) я говорю ему, что хотя на фронте нет боевых действий, но с наступлением осенних дождей начались повальные простудные заболевания от сырости, поэтому мы сегодня должны вывезти в Минск целый поезд больных. И тут он вдруг как-то странно смотрит на меня и говорит: «В Минск? А ведь там этот твой земляк с русской фамилией...» Так как после моего приезда на фронт мы ни разу о вас не вспоминали, то я сначала даже не поняла, о ком речь, и спрашиваю: «Кто это?» А он отвечает: «Ну тот прапорщик, которого мы встретили в поезде, пом-

нишь?» — «Мясников?» — спрашиваю я. «Угу, — говорит он. — Думаю, он бы сильно встревожился, узнав, что здесь затевается какая-то гнусность с его корпусом...» Я даже поразились: «С каким это его корпусом?» А он говорит: «Разве ты не знаешь, что наш Гренадерский корпус считается «мясниковским»? Да, представь, он склонил на свою сторону целый корпус. Впрочем, что там корпус — на его стороне находится вся наша Вторая армия, и скоро большевики заберут весь фронт...»

Тут Изабелла Богдановна с острым вниманием посмотрела на Мясникова и сказала:

— А ведь я уже тогда, в поезде, почувствовала, что вы... ну как бы это сказать... что вам удастся сделать так много...

— Ну, ну, рассказывайте дальше, — нетерпеливо перебил ее Мясников. — Что же он говорил дальше?

— Да... Он говорил, что в борьбе за влияние в солдатских массах вы и ваши сторонники, видимо, взяли верх... И вдруг прибавил: «Но ведь это же внутренняя борьба, и втягивать в нее посторонние силы нечестно, подло!» — «А разве кто-то хочет сделать это?» — спрашиваю я. И вот тут-то Виктор Иванович начал торопливо рассказывать, что в последнее время в нашей армии происходят какие-то странные вещи... Недавно из ставки, минуя штаб фронта, в Несвиж прибыл какой-то офицер, который, как Виктор слышал, занимается делами русской агентурной разведки. По намекам разведотдельцев Виктор Иванович сначала решил было, что этот офицер собирается перейти линию фронта и проникнуть в тыл противника. Но вот что странно: прежде чем сделать это, он несколько дней совещался с комиссаром армии Гродским и председателем армейского комитета эсером Титовым. А в перерывах между этими совещаниями выезжал в расположение то одной, то другой артиллерийской батареи Гренадерского корпуса, а то еще в такие части, откуда в тыл противника никак, ну

никак нельзя попасть... Но Виктора Ивановича особенно встревожило то, что этого офицера из ставки сопровождал некий штабс-капитан Веригин. Это очень озлобленный человек и как-то в присутствии Виктора Ивановича цинично высказывался в том смысле, что солдатня, мол, полностью перешла на сторону большевиков и что теперь Россию спасет только немецкий штык... В общем, все это — приезд офицера из ставки, обход вместе с Веригиным частей Гренадерского корпуса, секретные совещания в верхах армии кажутся ему очень подозрительными...

Многое из того, что рассказывала Изабелла Богдановна, уже было известно Мясникову. Еще в начале октября он сам от имени Северо-Западного областного комитета сообщил в ЦК о том, что в Минске и на Западном фронте готовится новая корниловщина, что ввиду большевистских настроений гарнизона штаб фронта окружил город казачьими и прочими частями и что среди них, в особенности среди кубанцев и осетин Кавказской кавалерийской дивизии, ведется усиленная агитация против большевиков. Сообщал он и о том, что на фронте, в особенности в районе наиболее революционно настроенного Гренадерского корпуса, вся артиллерия загнана командованием в Пипские болота, а между ставкой и штабами идут какие-то переговоры подозрительного характера. Но Севзапком считал, что настроение фронтовых частей уже полностью пробольшевистское, что они готовы идти против Керенского и что поэтому технически вполне возможно, вызвав тот же самый Гренадерский или 3-й Сибирский корпус, разоружить кольцо войск вокруг Минска и захватить штаб фронта вместе с документами о вышеуказанных подозрительных переговорах. После этого, если ЦК найдет нужным, минчане могут послать один из этих революционных корпусов на помощь питерцам.

Но теперь из рассказа Изабеллы Богдановны выходило, что штабы затевают «нечто подлое» именно против

Гренадерского корпуса. И Мясников начал с тревогой спрашивать:

— А что он думает, ваш муж? Что он все-таки предполагает?

Голос Изабеллы Богдановны опять прозвучал как-то неуверенно:

— Боюсь, что конкретных фактов, дающих ему право говорить: делается то-то и то-то, у него нет. Понимаете? Он скорее чувствует — по всей атмосфере, по ситуации, — что там готовится нечто весьма подлое... Я думаю, он намеренно рассказал мне все это, узнав, что я еду в Минск. Рассказал, рассчитывая, что я все передам вам, потому что ему кажется, что это «нечто» касается вашего корпуса и что вы гораздо легче, чем он, сумеете выиснить и понять, что же именно готовится. И еще... потому, что та встреча в поезде произвела на него сильное впечатление. Гораздо более сильное, чем он признается даже самому себе... Ведь по натуре Виктор Иванович цельный человек. Он хочет быть... в мире, что ли, со своей совестью. Хочет быть честным в собственных глазах — не казаться, а быть честным. Как вы тогда заметили, жизнь поставила его перед необходимостью сделать какой-то выбор... определить свои взгляды, уточнить свои убеждения, найти свое место... — Изабелла Богдановна вздохнула, потом сообщила вполголоса, словно выдавала чужую тайну: — А это, оказывается, было трудно, настолько трудно, что он где-то хотел бы избежать, отойти в сторонку: вот — эти, вот — те, а моя хата с краю... А тут встретились вы — человек, которому твердо известно и то, чего он хочет, и то, как этого надо добиваться. И я уверена, с этого дня он следил за вами. Знаете... ваше имя все время склоняется в разговорах и на страницах газет. Он видел, как вы настойчиво идете к своей цели, и внутренне — я так думаю — восхищался вами. И вы стали как бы живым укором Виктору Ивановичу — за его нерешительность в выборе жизненного пу-

ти...— Изабелла Богдановна вдруг вскинула глаза на Мясникова и спросила, виновато улыбаясь: — Я очень путано говорю, да?

— Я понимаю, о чем вы, — улыбнулся тот в ответ.

— В общем, он внутренне страшно переживает, что отстал от «тех» и не пристал к «этим». Понимаете, да? И я тоже переживаю за него. Поэтому я очень обрадовалась, когда вчера он заговорил о вас. Мне кажется, он начинает делать выбор, а?

— Я очень рад, если это так, — искренне сказал Мясников. — Но вот мне вы задали загадку... Если с Гренадерским корпусом затевается что-то — это надо предупредить... Но что именно? Когда?.. — Он задумчиво сказал: — Ну что же, и на том спасибо. Вы где остановились? Вам есть где почевать?

— Да я же с санитарным поездом, там у меня есть и полка с постелью, и еда...

— Это хорошо, — кивнул Мясников. — Погодите, я сейчас дам вам провожатого: ведь на улице темно и пустынно, а по городу шляются всякие дезертиры и просто бандиты и одну вас пускать в путь до станции нельзя...

— Да не беспокойтесь, — сказала Изабелла Богдановна, вставая, — меня внизу ждут двое провожатых...

— Ждут?.. — Мясников, вероятно, и сам не знал, что смотрит на эту в общем постороннюю женщину так, словно ждет объяснения.

Что ж, недаром они оба были кавказцы, — Изабелла Богдановна действительно стала объяснять:

— Да, два гренадера. Одного, по фамилии Марьин, вы знаете; это тот председатель комитета Карсского полка, который сегодня выступал в театре с пылкой речью. А у другого какая-то ужасная фамилия — не то Продыбин, не то Пролыгин. Словом, оба ваши — большевики... — Она сощурила глаза и не без ехидства спросила: — Ну как, могу я им довериться?

Мясников, не обращая внимания на ее тон, кивнул:

— Этим двум можно довериться полностью. Если вы внимательно слушали речь Марьяна, то могли бы сделать вывод, какие у них высокие моральные принципы.

И тут она поспешно кивнула:

— Да, да, вы правы, они оба такие... ну, джентльмены, что ли.— И она снова не удержалась от шуточного замечания: — И знаете, для чего они сейчас ждут меня? Хотят уехать обратно в армию на нашем поезде и надеются, что по дороге я им расскажу о вашем городе — Нахичевани-на-Дону...

— Вы шутите? — не поверил Мясников.

— Нисколько, уверяю вас. Оказывается, им очень интересно узнать, — и я этому верю! — откуда на Дону взялся такой армянский город. — Она виновато вздохнула: — А что я им расскажу? Ведь сама об этом имею весьма общее представление.

— А для начала им, наверно, больше и не нужно, — сказал Мясников. — Не забудьте только напомнить, что это один из культурных центров российских армян, что там родился, например, такой замечательный деятель, как революционер-демократ, писатель и философ Микаел Налбандян... — Мясников сделал паузу и осторожно осведомился: — Вы о нем знаете?

— Еще бы, — чуть обиженно повела плечами Изабелла Богдановна. — Когда он в шестидесятых годах прошлого века приезжал в Эривань, там его встречал мой отец, один из малочисленных подписчиков «Юсисапайла» * в нашем городе. Позже отец еще раз встречался с ним и оставил об этих встречах воспоминания.

— Интересно! — оживился Мясников. — Кстати, вы, кажется, сказали, что ваш отец встречался с Налбандяном

* «Юсисапайл» («Северное сияние») — прогрессивный армянский журнал, издаваемый в середине прошлого века в Москве при активном участии Микаела Налбандяна.

в Эривани? А я, признаться, почему-то считал, что вы из тифлиских или бакинских армян.

— Да? — Изабелла Богдановна внимательно всмотрелась в него и вдруг кинулась в атаку: — Потому что я показалась вам слишком интеллигентной для эриванки, да? Ну признайтесь, признайтесь же честно, что и вы тоже, как и все неэриванские армяне, считаете наш город провинциальной дырой и не допускаете даже мысли, что от туда может выйти какой-нибудь путный человек!

Он посмотрел на нее — со сверкающими от благородного возмущения глазами, порозовевшими щеками, она еще больше похорошела — и засмеялся искренне:

— Вы вправе казнить меня, Изабелла Богдановна, ибо я до сих пор действительно был не очень высокого мнения об Эривани и эриванцах. Но я признаю, что был неправ, и обещаю исправиться.

Она с вызовом произнесла:

— Нет, почему же, у вас есть все основания и сейчас думать так, — ведь в Эривани нет ни театра, ни влиятельных газет, нет ни политиков, ни писателей, ни ученых... Но послушайте, что думают некоторые провинциалы-эриванцы: все вы, тифлиские, бакинские, новонахичеванские и прочие армяне, попросту кукушки, которые кладут яйца в чужие гнезда. И если армянскому народу еще суждено возродиться, иметь свою государственность, свои подлинные культурные центры, то это должно произойти в его исторической колыбели — в Араратской области, вокруг Эривани! Вот! Засим разрешите откланяться!

— Ну, ну, нет, — мягко, но требовательно сказал Мясников. — Этот разговор так не может кончиться, выслушайте меня тоже...

В это время открылась дверь и в комнату заглянул Ландер. Он удивленно посмотрел на Мясникова и молодую женщину, стоявших друг против друга с видом ссорящихся, и хотел закрыть дверь, но Мясников сделал

ему знак остаться, а сам вновь обратился к Изабелле Богдановне:

— Поверьте, то, что вы говорите, — о возрождении национальной государственности и культуры армян и вообще всех других народов России — не чуждо для большевиков, и следовательно для меня тоже... Вот здесь, в Минске, я познакомился с проблемами белорусского народа. Перед ним ведь стоит та же проблема, создание своей государственности, возрождение своей национальной культуры. Это, если хотите, веление эпохи, и это одна из тех задач, которую должна обязательно решить социалистическая революция, к которой мы идем. Вот почему я верю, что армянский народ скоро получит свою государственность. И конечно, это произойдет только там — в коренной Армении, вокруг Эривани... — Он, отвесив шутливый поклон, продолжал: — Даст бог, ваш покорный слуга доживет до этого дня, и я обещаю поехать в Эривань, чтобы внести свою посильную лепту в создание новой Армении...

Говоря это, Мясников, конечно, и думать не мог, что года через три — три с половиной именно ему, Александру Мясникяну, выпадет тяжелая, но великая миссия — поехать в Эривань, чтобы, возглавив первое советское правительство Армении, начать возрождение государственности своего народа, его экономики и культуры.

Изабелла Богдановна поспешно простилась и ушла.

— Это кто, Александр Федорович, — родственница? — осторожно спросил Ландер, когда Евгеньева вышла.

Мясников взглянул на него и, по тону вопроса уловив, что он предполагает, ответил с улыбкой:

— Нет, Карл Иванович, это не родственница, но и не любовь. Я познакомился с этой женщиной и ее мужем-летчиком полгода назад в поезде.

— Ого, можно подумать, что ты оправдываешься, Алеша... — засмеялся Ландер. — Да хоть бы и была любовь — что тут такого? Ведь ты не женат и, надеюсь, не из тех,

кто считает, будто революционеру не пристало тратить время на такую чепуху, как любовь?

— Сейчас — не из тех, — улыбнулся Мясников. — Но должен признаться, что лет десять тому назад я придерживался именно такого взгляда.

— Да ну? — воскликнул Ландер. — Вот не подумал бы.

— Да, брат, я тогда был жутким максималстом, эдаким ибсеновским Брандом, полагавшим, что революционер должен отдать своему делу все силы, все помыслы и даже чувства. Из-за этого я чуть было не потерял дружбу одного из лучших армянских поэтов...

В кабинет один за другим входили Кнорин, Алибегов, Фомин, Щукин и другие. Мясников, увлеченный воспоминаниями, продолжал рассказывать Ландеру:

— Мы учились в Московском университете. В Москве в это время собралась группа талантливых литераторов: уже знаменитый Аветик Исаакян и рядом с ним начинающий, но блистательный поэт Ваан Терян, критики Погос Макинцян и Цолак Ханзадян... Да разве всех перечислишь... Мы все тогда уже прошли через этап увлечения Белинским, Писаревым и Чернышевским и открыли для себя Маркса. Понимали его еще не совсем глубоко, но чувствовали, что его учение — высшее достижение в области общественных наук. И вот тут-то между мной и поэтом Теряном завязался горячий и длительный спор насчет... любви и ее места в жизни революционера. Но чтобы понять, какого накала достиг этот спор, вы должны знать, что это за человек. Худой, нервный, мечтательный идеалист... Весь — чувства, лирик от головы до пят, трепетный и тонкий. Послушайте-ка хотя бы вот эти его стихи в переводе Валерия Брюсова:

Скользящей стопой, словно нежным крылом шелестя темноты,
Прошла чья-то тень, обледев во мгле трав белеющий цвет;
Вечерней порой, — легковеющий вздох, что ласкает кусты, —
Виденье прошло, женский призрак мелькнул, белым флером одет.

В пустынный простор бесконечных полей прошептала она,—
Не слово ль любви прошептала она задремавшим полям?
Остался в цветах этот шепот навек, словно отзвуки сна,
И шепот лова, этот шепот святой, я склоняюсь к цветам!

— Здорово! — с искренним восхищением воскликнул Ландер. — Как тонко!

— Правда, хорошо? — обрадовался похвале Мясников. — А ведь в оригинале, как и все настоящие стихи, это звучит еще тоньше и глубже... И вот этому-то поэту я тогда взял и бухнул, что настоящий марксист не может любить женщину и жениться, раз он предан интересам рабочего класса. Никакого, мол, иного интереса, никаких других целей, кроме интересов и целей пролетариата.

— Погоди, — внезапно прервал его Алибегов. — Сколько ты сидел в тюрьме за революционную деятельность? Кажется, всего один раз?

— Да, а что? — удивленно спросил Мясников.

— Мало! — со свирепым видом воскликнул Алибегов. — Да тебя только за такое отношение к любви надо было засадить в тюрьму на всю жизнь!

Все громко засмеялись, а Мясников продолжал:

— Представь, Ванечка, то же самое говорил мне Терян. Кричал, что если я прав, то он готов проклясть марксизм, как бесчеловечное учение, отвергнувшее самое великое, что есть на свете, — любовь.

— Ну, это тоже чересчур, — вставил Кнорин. — Любовь, конечно, штука хорошая, но объявлять ее «самым великим, что есть на свете»...

— Для поэта-лирика это вовсе не «чересчур», — возразил ему Ландер. И обратился к Мясникову: — Ну а как ты, согласился с ним?

— Нет. Стоял на своем, утверждая, что другие люди, мол, могут любить, но революционер — не имеет права.

— Ну просто изувер какой-то! — снова возмутился Алибегов. — И долго ты держался этих взглядов?

— К счастью, недолго. Кто-то — не помню кто — принес нам книжку, где между прочим рассказывалось о том, как сам Маркс до обожания любил Женни Вестфален, как в молодости посвящал ей любовные стихотворения, а позже написал: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Терян, конечно, торжествовал победу, а я был низвергнут с пьедестала своей ортодоксальности в прах, посрамлен и уничтожен. Но и пользу из этой истории извлек немалую, потому что именно она помогла мне по-настоящему задуматься над главной гуманистической сутью марксизма. Понять, что наше учение как раз призвано сделать человека счастливым и поэтому всякий отход от человечности — якобы «во имя учения» — на самом деле есть искажение основ марксизма.

Ну, а потом судьба сыграла со мной еще более злую шутку... Я влюбился — влюбился по уши, невероятно сильно, но, увы, безответно. Кстати, она была родом из этих краев, из Гомеля... И кажется, именно то, что я, вчерашний «сухарь и ортодокс», оказался способным испытать такое чувство, любить и страдать, помогло мне окончательно вернуть дружбу Теряна...

Мясников, оглядев комнату и заметив, что почти все члены обкома уже в сборе, трихнул головой, словно отгоняя посторонние мысли, и направился к письменному столу.

— Ладно, покончим с воспоминаниями и перейдем к делу, ибо хотя революционер и не должен быть бездушным чурбаном, но в период самой революции не должен также чересчур поддаваться лирическим настроениям, а? Тем более, что женщина, которая сейчас была у меня, принесла весьма тревожную для нас весть насчет Гренадерского корпуса...

Сразу раздались удивленные возгласы.

— Насчет Гренадерского корпуса? Эта женщина? А какое она имеет к нему отношение?

— Сейчас объясню.— Мясников направился к своей койке, вытащил из-под нее железный ящик, какие обычно служат денежной кассой в войсковых частях, достал оттуда несколько бумаг и вернулся к столу.— Вы помните, что мы еще в начале этого месяца сообщили в ЦК о положении на Западном фронте и в Минске, а также о том, что можем послать на помощь пвтерцам один революционный корпус. Вы знаете также, что на заседании ЦК от 10 октября это наше предложение обсуждалось и оно сыграло определенную роль в решении вопроса, начать ли в ближайшее время вооруженное восстание, или ждать открытия Учредительного собрания. Владимир Ильич в своем докладе о текущем моменте прямо заявил: «Ждать до Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу.

Областным съездом и предложением из Минска надо воспользоваться для начала решительных действий». И далее он же предложил резолюцию, принятую ЦК. Трудно переоценить значение ее для нас:

«ЦК признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастающа во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России),— так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К^о сдать Питер немцам),— так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах,— все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.),— все это ставит на очередь дня вооруженное восстание.

Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем органи-

зациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и мянчан и т. д.)».

Мясников отложил документ и оглядел присутствующих. Те напряженно ждали.

— Вы знаете, что после этого мы получили резолюцию и следующего заседания ЦК, от 16 октября, где говорилось, что «ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления». И вы помните, что сразу по получении этих резолюций мы начали подготовку к выступлению здесь и для отправки обещанного корпуса в Питер, как только получим соответствующий сигнал оттуда. Мы тогда подробно обсуждали этот вопрос и пришли к выводу, что нельзя снимать целый боевой корпус с важнейшего участка фронта, не заменив его другими соединениями, способными противостоять немцам, если они вдруг предпримут наступление на этом участке. А такие замены и передислокации войск можно совершить, конечно, лишь после того, как мы захватим командование сначала в армиях, а затем и всего фронта в ваши руки. Большевизация солдатских масс ставит на повестку дня переизбрание солдатских комитетов. Мы уже ведем подготовку перевыборов старых эсеро-меньшевистских комитетов во Второй и Третьей армиях; по примеру питерцев создали во Второй армии Военно-революционный комитет...

— Послушай, Алеша, зачем ты все это рассказываешь нам? — нетерпеливо воскликнул Алибегов. Черные, чуть навывкате глаза этого тридцатилетнего армянина из Кутаиси смотрели из-под мохнатых бровей почти сердито. — Сами писали, недавно писали, — не помним, что ли?

Мясников очень любил и ценил этого человека — Ованеса, Ивана, Ванечку Алибегова. Как и Мясников, тот был участником первой русской революции и тогда же вступил

в большевистскую партию. Он тоже, подобно Мясникову, поступал в Московский университет и был исключен оттуда за революционную работу. А вот в Минск попал гораздо раньше Мясникова, еще в 1915 году. Вел там в войсковых частях большевистскую агитацию, а когда в 1917 году образовался Минский комитет партии, он был избран его председателем.

Мясников не успел ответить Алибегову, так как его опередил Щукин.

— Ва, какой нетерпеливый, слушай! — довольно удачно копируя его кавказский акцент, сказал он. — Разве не знаешь — Алеша любит все делать последовательно.

— Не знаю, считаешь ли ты это достоинством или недостатком, но в данном случае мне кажется важным восстановить в вашей памяти весь ход наших решений по этому вопросу, — серьезно заявил Мясников. — Итак, мы готовимся к тому, чтобы, как только в Питере будет принято решение о восстании, немедленно и в кратчайший срок провести перевыборы комитетов в армиях, снять с позиций один из революционных корпусов, двинуть сюда, в Минск, захватить штаб фронта, а затем, погрузив в эшелоны, направить в Питер. Так?

— Ну? — снова нетерпеливо мотнул головой Алибегов.

— Так вот, сигнала из Питера пока еще нет. А между тем похоже, что наши замыслы с революционным корпусом в штабах каким-то образом разнюхали... — И только теперь Мясников вкратце рассказал все, что сообщила ему Изабелла Богдановна, не забыв упомянуть о том, что это только догадки и предчувствия ее мужа.

— Фу-ты ну-ты! — воскликнул Могилевский. — Опять какие-то предположения. То мы сообщаем в ЦК о том, что между ставкой и нашими штабами происходят какие-то подозрительные переговоры, но не имеем конкретных данных и документов, то нам опять сообщают, что против Гренадерского корпуса затевается что-то, и опять основ-

ваются на каких-то «предчувствиях». Ну на что это похоже?

— Погоди, погоди, — прервал его Ландер, — здесь ведь важно не то, что нет документов. Ты сам понимаешь, что такие дела, как сговор с противником, — если здесь действительно готовится нечто подобное, — настолько опасны и «деликатны», что они вообще не документируются. Все делается шито-крыто, даже без личных контактов между сторонами, а путем подбрасывания нужных сведений через «двойных агентов»... От косвенных улик, да и от «предчувствий», не отмахнешься. А тут еще плюс к тем сведениям, которые мы получили от Рогозинского из Второй армии о подозрительных переговорах между штабами и ставкой, мы вдруг получаем подобное же предупреждение от совершенно постороннего, отнюдь не большевика, но, по-видимому, честного офицера. Тут есть над чем задуматься!

«Хорошо, когда рядом есть такой — спокойный, рассудительный полятик и психолог», — думал Мясников, глядя на этого человека с широким и выпуклым лбом. Карл Иванович со своими тонкими чертами и манерой держаться выглядит немножко «аристократом», хотя был у себя в Либавском уезде всего сельским учителем. Возрастом он года на три старше Мясникова, а в партию вступил в 1905 году — тоже в Москве и тоже участвуя в баррикадных боях на Пресне. Да, это просто удивительно, что здесь собралось столько «москвичей» — большевиков, участвовавших в Московском восстании, получивших закалку в этом городе! Может быть, именно поэтому они тут так быстро подружились, нашли общий язык. Ну а в Минск его забросила война, а когда началась Февральская революция, Ландер стал одним из организаторов Минского Совета, а потом его председателем.

— Вот именно, — подтвердил Мясников. — Что такой сговор не исключен, я не сомневаюсь; ведь вот же в документах ЦК говорится о «несомненном решении русской

буржуазии и Керенского с К^о сдать Питер немцам», об отводе войск на Северном фронте. Люди, которые способны на такое гнусное преступление, как сдача столицы врагу, разве останутся перед тем, чтобы подвести под вражеский удар какой-то корпус, тем более узнав, что этот корпус один из тех, что готов выступить на защиту революции и сорвать замыслы со сдачей Питера?

— Это правда, — невольно согласился Могилевский. — Но тогда возникает вопрос: откуда они могли узнать об этих наших планах? Никого из нас я не могу оскорбить подозрением в болтливости и ротозействе.

— Ну, тогда, возможно, выболтал кто-нибудь из Второй армии или из самого корпуса? — вопрошающе произнес Щукин. — Там ведь много молодых членов партии, примкнувших к нам в последние три-четыре месяца. Они преданы революции, но опыта, настоящей закалки пока не имеют...

Щукин произнес это таким тоном, словно просил извинить этих преданных, но неопытных товарищей, если они вдруг действительно допустили такое... Сам Степан Ефимович прошел суровую школу и подполья, и конспирации. Этот бывший полковой писарь с характерным лицом русского интеллигента принадлежал к той породе людей, которых называют семижилыми: взваливай на него сколько угодно всякой работы — потянет спокойно, не жалуясь и не теряя присущего ему чувства юмора...

— Простите, товарищи, а почему мы думаем, что кто-то выболтал? — наконец вступил в разговор Кнорин. — Ведь если мы на основании косвенных фактов и слухов, не имея документов, пришли к выводу, что наши противники что-то готовят, то ведь они тоже не дураки и по ряду признаков могли понять, что и мы не сидим сложа руки...

— По каким это признакам? — обернулся к нему Мясников.

— Ну, например... где тут у тебя копия нашего отчета Центральному Комитету? — Кнорин оглядел стол, порылся в бумагах, — вот! Отчет о Второй Чрезвычайной Северо-Западной областной конференции РСДРП(б). Послушайте: конференция «решительно протестует против попытки представителя Западно-фронтового комитета фальсифицировать мнение и волю революционных солдат Западного фронта, две армии которого... — Кнорин сделал паузу, многозначительно посмотрев на присутствующих, — две армии которого уже приступили к подготовке армейских съездов, имея в виду в числе прочих задач и делегирование представителей на Всероссийский съезд Советов...» — Кнорин снова обвел взглядом товарищей. — Ну как? Если бы в штабах даже ничего не знали о нашей подготовке провести перевыборы армейских и прочих комитетов, то этого нашего заявления было бы достаточно, чтобы там догадались. Да что говорить, ведь не тайком же мы готовим эти перевыборы, ведем агитируем устно и письменно, убеждаем, что старые эсеро-меньшевистские комитеты уже не отражают подлинных настроений солдатских масс. Далее, мы создали Военревком во Второй армии. Так неужели в штабах не помнят, что в дни первой корниловщины здесь Минский Совет тоже создал временный Военно-революционный комитет, куда от большевиков вошел Ландер? Теперь они готовят вторую корниловщину и видят, что мы опять создали ВРК, правда пока что во Второй армии, потому что это самая революционная, пробольшевистская армия на нашем фронте и именно оттуда мы можем вызвать силы, которые смогут разгромить те казачьи части, которые они подтянули к Минску...

И вновь Мясников на минуту отвлекается, думая уже об этом латыше с серыми пристальными глазами. О Вильгельме Кнориньше, который, подобно ему самому, изменил свою фамилию на русский лад — Кнорин. О нем и не скажешь, что ему всего двадцать семь лет, ибо в данном слу-

чае важнее то, что он уже семь лет в партии и успел блестяще усвоить теорию марксизма, а это ох как нужно вот в такой переломный момент, когда мы должны самостоятельно разобраться в создавшемся сложном положении. К тому же Кнорин прекрасно владеет пером (как, впрочем, Фрунзе и Фомин), потому и стал одним из редакторов большевистской массовой газеты, выходявшей вначале под названием «Звезда», потом «Молот», а теперь «Буревестник». И вот сейчас он, кажется, снова четко уловил смысл происходящего...

— Логично! — с одобрением кивнул Мясников. — И если продолжить эти рассуждения, то можно понять и то, почему именно Гренадерский корпус может стать — или уже стал! — объектом их главного беспокойства. Потому что этот корпус в свою очередь является самым революционным во Второй армии. Если даже наши враги ничего не знают о планах отправки корпуса в Питер, то они не сомневаются, что против собранных ими здесь сил первыми будут вызваны гренадеры... Стало быть, им нужно как-то нейтрализовать, а то и разгромить этот корпус, пока он еще там, вдали от Минска. А это можно сделать только чужими руками, с помощью немцев, ибо своих-то верных войск на фронте больше нет!

Минуту все молчали, раздумывая над этими словами. И тогда член Севзапкома Василий Фомин, тридцатитрехлетний крепыш, сделал, казалось бы, единственно логический вывод:

— Но тогда, спрашивается, чего мы тут сидим и ждем? Не правильнее ли будет уредить их и уже сейчас, завтра же, созвать корпусные и армейские съезды, взять командование в свои руки, двинуть с фронта верные нам части и не дать здешним корниловцам первыми начать действия против нас?

Мясников ответил не сразу, мысленно взвешивая это предложение, потом покачал головой:

— Нет... В том-то и весь фокус, что мы не можем так поступить, хотя с точки зрения нашего собственного благополучия такие меры были бы наиболее целесообразны. Начать на фронте захват командования снизу доверху — значит начать вооруженное выступление, начать революцию, причем раньше, чем Петроград и Москва будут готовы выступить. «Лезть вперед батьки в пекло» нам нельзя, так как судьбы революции решаются не здесь, не на Западном фронте, а там, в обеих столицах. Потому и мы обязаны, подготовив все, ждать, пока нам не дадут знать, когда нужно выступить.

— Правильно, конечно, — кивнул Ландер. — А что касается Гренадерского корпуса, то, если действительно против него возможны хоть какие-либо действия штабов, было бы неразумно брать сейчас оттуда части, ибо это ослабило бы корпус перед лицом сильного врага. Наоборот, надо предупредить ВРК Второй армии и товарищей из корпуса о том, чтобы были все время начеку, следили за действиями немцев и готовы были отразить атаку противника...

— Ну что ж, давайте пока на этом и порешим, — сказал Мясников. Он посмотрел на часы, поморщился: — Опять засиделись черт знает как долго... Завтра нам надо быть на этом эсеровском съезде, так что идите спать!

Но когда друзья разошлись, Мясников, решивший, как это часто бывало в последнее время, остаться почевать здесь же, в своем кабинете, долго не мог уснуть.

Когда началась Февральская революция и запрещенные до тех пор политические партии вышли из подполья, большевистская партия была сравнительно малочисленна. Объяснялось это тем, что царское правительство, видевшее в ней наибольшую для самодержавия опасность, в течение многих лет больше всех и наиболее жестоко преследовало именно революционную партию пролетариата. Те двадцать четыре тысячи человек, которые к Февралю были в партии большевиков, представляли собой закаленную в тяже-

рых испытаниях маленькую, но могучую армию, которая оказалась способной завоевать доверие народа и нанести поражение объединенным силам всех остальных партий России.

В начале апреля Мясников был избран в своем запасном полку делегатом на первый солдатский съезд Западного фронта и прибыл в Минск; он нашел там буквально горстку своих единомышленников. И он, конечно, сразу наладил связь с минскими большевиками, которые после Февраля немедленно развернули энергичную работу среди рабочих города и частей гарнизона. Это были Фрунзе (носивший тогда фамилию Михайлов), Любимов, Алибегов, Кривошеин, Фомин и другие. С первых дней после свержения самодержавия они приступили к организации Совета рабочих и солдатских депутатов и уже 8 марта, когда был создан исполком Совета, добились там решающего влияния.

Минский Совет стал тем ядром, вокруг которого на первых порах начали собираться все большевики, прибывающие из других городов Белоруссии и с фронта. И Мясников тоже немедленно кинулся туда: мол, вот он я, скажите, что нужно делать!

Да, удивительная была эта пора, пора собирания сил, взаимного присматривания, знакомства и сплочения. Многие не только не были лично знакомы, но даже не слышали друг о друге. Наиболее известным среди них был, конечно, Фрунзе. Шутка ли сказать, этот тридцатидвухлетний человек, член партии еще с 1904 года, уже имел за плечами семь лет тюрьмы и каторги, был дважды осужден на смертную казнь! И здесь, в Минске, он, конечно, сразу начал действовать с присущей ему энергией. Став во главе вновь организованной милиции города, он, что называется, показал минской полиции и жандармерии, «где раки зимуют», — разоружил их, занял полицейское управление на углу Подгорной и Серпуховской улиц и

быстро навел революционный порядок в городе. Мясников знал немного и Алибегова — еще по работе на Кавказе. В марте Алибегов, Фомин и еще несколько большевиков создали минскую объединенную организацию РСДРП, куда кроме большевиков входили также меньшевики, бундовцы и латышские социал-демократы. Со всеми же остальными Мясников познакомился уже в ходе фронтового съезда и позже, когда, став членом Фронтового комитета, остался в Минске.

Мясников уже тогда понимал, что после того как он и его единомышленники достаточно близко узнают друг друга в работе, то из них неминуемо выделится какая-то группа самых инициативных, энергичных и опытных людей, которая возьмет на себя руководство и большевистской организацией, и всей работой среди масс. Конечно, он с юношеских лет избрал для себя путь революционера: марксизм стал его верой, а практическая революционная работа — его жизнью. Он давно уже писал на армянском и русском языках серьезные теоретические статьи на политические, экономические, исторические и литературные темы, вел подпольную работу в России, на Кавказе и на фронте. Но при этом он меньше всего размышлял о своем командирском назначении. Точнее сказать, совсем не размышлял, он делал единственно возможное для себя дело.

То, что с началом войны судьба забросила его на Западный фронт, он вполне справедливо считал случайностью: с таким же успехом он мог оказаться на Южном, Румынском или Кавказском фронтах. Но раз он оказался здесь, то считал своим долгом отдать здесь все силы революции, которой посвятил жизнь.

Первый фронтовой съезд длился с 7 по 17 апреля и, в силу преобладания среди делегатов представителей партий эсеров и меньшевиков и им сочувствующих, принял соглашательские резолюции по таким важнейшим вопросам, как война и мир, отношение к Временному правитель-

ству. И тем не менее первыми боями, которые дали мало-численные большевики на этом съезде «революционному оборончеству», они привлекли симпатии уже значительной части солдат-делегатов. Фронтовой комитет, избранный съездом, насчитывал 75 членов, из которых 6 были большевики. Позднее они смогли организовать целую фракцию, куда вошли Любимов, Могилевский, Кривошеин, Мясников, Шукин, Фомин, Калманович, Селезнев и другие.

Это было немалой победой, и у некоторых возникло убеждение, что пока нужно удовлетвориться достигнутыми успехами. Однако большинство собравшихся в Минске большевиков, и в числе их Мясников, были уверены, что пребывание их в единой организации с меньшевиками и бундовцами, пытавшимися сидеть на двух стульях, а на деле проводившими политику буржуазии, может только дискредитировать их партию. И в этом мнении они еще больше укрепились, когда прочли в «Правде» знаменитые Апрельские тезисы вернувшегося из эмиграции Ленина.

На VII (Апрельскую) конференцию, проходившую с 24 по 29 апреля, минчане делегировали Соломона Могилевского: в свое время он работал с Лениным в Женеве и стал одним из его верных учеников. Когда тот, вернувшись, сделал доклад о поставленных Лениным и конференцией задачах партии на новом этапе, то стало ясно, что для их выполнения здесь большевики должны выйти из «объединки» и создать свою самостоятельную организацию. Одним из самых энергичных проводников этой линии стал Мясников. Вот почему, когда это размежевание произошло и был создан временный Минский комитет РСДРП(б), председателем избрали именно его, Мясникова.

Он принялся за дело: сплачивал большевистскую организацию, устанавливал контакты с организациями Орши, Бобруйска, Могилева и других городов Белоруссии, создавал и укреплял большевистские комитеты в армиях, корпусах, дивизиях и полках фронта.

Понимая, что влияние партии на массы нельзя усилить без своей газеты, большевистские руководители энергично взялись за ее создание, и снова выяснилось, что Мясников — один из самых опытных журналистов и литераторов большевиков, находящихся в этот момент на Западном фронте и в Белоруссии.

Как руководитель минской большевистской организации Мясников был избран делегатом VI съезда партии, где сделал доклад о работе большевиков на Западном фронте и в Белоруссии и еще дважды выступил — по порядку дня съезда и по резолюции «Текущий момент и война». Он очень сожалел, что Ильич, вынужденный снова уйти в подполье, не присутствует на съезде: ведь Мясников так до сих пор и не встречался с ним. И он, конечно, не знал, что Ленин, работая в своем шалаше в Разливе, внимательно читает стенограммы всех выступлений на съезде, и, стало быть, его выступления тоже. И тем более не знал, что Серго Орджоникидзе, тайно посетивший Ильича и доставивший съездовские материалы, рассказывал ему с восхищением:

— Душа делегатов — пролетарская, а ум — министерский... — И перечислял особенно отличившихся «министерским умом» делегатов: — Артем из Харькова, Джапаридзе из Баку, Шумяцкий из Сибири, Мясников из Минска, Бубнов из Иваново-Вознесенска... Вожди, честное слово, настоящие вожди, Владимир Ильич!..

Мясников многие годы упорно и настойчиво изучал национальный вопрос и мог считать себя верным последователем Ленина в этом вопросе. Поэтому, попав в Белоруссию, он быстро разобрался в национальных проблемах этой страны. И раз случилось так, что он, большевик-ленинец, сейчас оказался в Минске и стал одним из руководителей большевиков Белоруссии, то, значит, обязан участвовать в решении всех без исключения вопросов ее народа, в том числе и национальных. Вот почему Мясников,

не щадя себя, не зная отдыха, отдался делу революции здесь, в Белоруссии. И хотя некоторые из тех, с кем он начинал работу здесь, — Фрунзе, Позерн, Любимов и другие — были отозваны ЦК и направлены в другие города России, Мясников знал, что он и оставшиеся с ним товарищи справятся с любыми трудными задачами, которые поставит перед ними революция в ближайшие дни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Как ни правильны были предположения руководителей Северо-Западного областного комитета большевиков о намерениях своих противников, но они все же ошибались в одном: их планы, да и вообще планы о вооруженном восстании, были выданы врагам. И были выданы не кем-нибудь здесь, в Минске, или неопытными партийцами во Второй армии, а гораздо выше — в центре революции.

18 октября, в среду, в непартийной, но, в сущности, примыкающей к меньшевикам газете «Новая жизнь» Каменев напечатал письмо, в котором от своего имени и от имени Зиновьева выражал несогласие с недавно принятым ЦК решением о вооруженном восстании.

Ленин, который с середины сентября, еще находясь в подполье, в статьях и закрытых письмах убеждал ЦК, что в силу изменившейся в стране политической ситуации настало время для вооруженного восстания, а с 7 октября, тайно вернувшись в Петроград, лично руководил двумя заседаниями ЦК — 10 и 16 октября, — посвященными вопросу восстания, сразу понял, какой страшный удар нанесен революции. Ведь теперь готовящееся восстание теряло одно из важнейших условий успеха — внезапность, и враги несомненно начнут мобилизовывать все силы и средства, чтобы или сорвать восстание или встретить его во

всеоружия... И, придя буквально в ярость от этой мысли, Владимир Ильич из своей конспиративной квартиры на Сердобольской, 1/92 посылал письмо за письмом в ЦК, разъясняя все пагубные последствия этого неслыханного предательства.

«...По важнейшему боевому вопросу, накануне критического дня 20 октября, двое «видных большевиков» в непартийной печати, и притом именно в такой газете, которая по данному вопросу идет *об руку с буржуазией против рабочей партии*, в такой газете нападают на неопубликованное решение центра партии!.. — писал он. — И по такому вопросу, *после* принятия центром решения, оспаривать это *неопубликованное* решение перед Родзянками и Керенскими, в газете непартийной — можно ли себе представить поступок более изменнический, более штрейкбрехерский?..»

И, требуя немедленного исключения обоих предателей из партии, Ленин продолжал:

«Что касается до положения вопроса о восстании теперь, так близко к 20 октября, то я издали не могу судить, насколько именно испорчено дело штрейкбрехерским выступлением в непартийной печати. Несомненно, что *практический* вред нанесен очень большой. Для исправления дела надо прежде всего восстановить единство большевистского фронта исключением штрейкбрехеров...»

Между тем Временное правительство начало лихорадочно готовиться к подавлению восстания. В ставку полетели шифрограммы с требованием срочно направить с фронта верные войска, туда же выехали доверенные лица для координации действий. Сам же Петроград был разбит на районы, в каждом из которых создавались конные и пешие отряды казаков, юнкеров и других сил.

Об этом внезапном и коренном изменении политической ситуации в Северо-Западном комитете РСДРП(б) еще ничего не знали. Конечно, Мясникова и его товари-

щей несколько удивляло то, что в последние дни из ЦК не поступало никаких сведений ни о сроке начала восстания, ни о том, надо ли посылать туда обещанный корпус. Но в общем-то минчане были уверены, что, когда понадобится, им и знать дадут, и скажут, что и как делать, поэтому не торопились ни с перевыборами корпусных и армейских комитетов, ни с подтягиванием верных частей к Минску.

А вот враги здесь уже знали все и разрабатывали планы в соответствии с новой обстановкой. И в этом большевики могли убедиться, если бы им удалось в тот же вечер 22 октября заглянуть в штаб фронта...

— Будьте добры объяснить, господин генерал, что за странные вещи происходят в вашем Гренадерском корпусе? — строго, тоном инспектирующего, спрашивал Чернов, вверив свои жгуче-черные глаза в лицо главнокомандующего фронтом Балуева.

Штаб фронта помещался в здании гимназии, и они сидели в бывшем кабинете директора, под золоченой рамой, из которой полгода тому назад был вынут портрет последнего императора российского и сбиты двуглавые орлы с верхних углов рамы. Было непонятно, почему предшественники Балуева, генералы Эверт, Гурко и Деникин, в течение четырех месяцев сменявшие друг друга в этом кабинете, не сняли со стены эту пустую и искореженную раму, вызывающую у каждого посетителя недоумение и нежелательные предположения. Но поскольку они этого не сделали, то и Балуев, ставший главкомом Западного фронта в начале августа, тоже решил оставить раму на месте. И теперь, видя, что Чернов нет-нет да поднимет глаза на эту злополучную раму, он угадывал, что вызвал у столичного гостя подозрение в своей тайной приверженности к старому режиму.

«Ну и черт с ним! — зло подумал он. — При этом старом режиме штатские политиканы, во всяком случае, не совали свой нос в военные дела!»

Генералу недавно исполнилось шестьдесят лет, сорок из которых он провел в армии. Только за эту войну он командовал несколькими армиями и был главнокомандующим двумя фронтами — Северо-Западным и Западным. И он был одним из тех командующих, которые в свое время поддержали требование Государственной думы об отречении царя от престола в пользу своего сына, заявив, что в противном случае они не ручаются за армию. Но ведь тогда он полагал, что армия станет крепче, сильнее, а во что превратили ее эти социалисты и как их там еще...

— Мне казалось, господин Чернов, что мы будем обсуждать вопросы, связанные с проведением завтрашнего съезда, — засопев от старания сдерживать себя, проговорил Балувев.

— На сегодняшний день съезд — не самый важный вопрос, господин генерал! — тем же поучающим тоном возразил Чернов. — К нему мы вернемся позднее. А то, о чем я спрашиваю, имеет огромное, ро-ко-во-е значение для судеб нашей революции, для судеб России!

Такой оборот дела озадачил и остальных участников совещания, и прежде всего эсеровских членов Фронтového комитета — председателя Совета крестьянских депутатов Нестерова, врача Кожевникова и подпоручика Злобина. Весь этот день они чувствовали себя именинниками в связи с приходом своего лидера. Ведь Чернов должен был, как они надеялись, своим участием в съезде крестьян-фронтовиков создать перелом в настроении солдатских масс Западного фронта, вырвать их из-под влияния большевиков. Вот почему после торжественной встречи на вокзале Нестеров, Кожевников и Злобин повезли «великого человека» в штаб и чуть ли не на руках, как пасхальный кулич, внесли в этот кабинет, где их ждали главноком Ба-

луев, начальник штаба генерал-лейтенант Вальтер, комиссар фронта Жданов и его коллеги по меньшевистской партии, секретарь Фронтového комитета поручик Колотухин и член того же комитета поручик Николаев. Они полагали, что Чернов сразу же заинтересуется той огромной работой, которую они проделали для подготовки съезда, увидит, с каким старанием отбирали ораторов из мужичков побойчее, умеющих надсаживать горло, в каком порядке намерены выпускать их, чтобы «перешибить» возможных ораторов со стороны большевиков.

Но едва Кожевников начал докладывать об этом, как Чернов небрежно махнул пухлой ручкой в его сторону и обратился к главнокомандующему с этим вопросом — о Гренадерском корпусе. А затем и вовсе оглушил всех своим заявлением о «роковом» значении этого вопроса «для судеб революции в России».

Балуев, все более наливаясь кровью, минуту молча смотрел на этого гривастого, с черной острой бородкой человека лет сорока, потом всем телом повернулся к Жданову:

— Что ж, Венедикт Алексеевич, ведь политические вопросы — это по вашей части... — и пожал плечами, чтобы подчеркнуть свое полное отвращение к упомянутым «политическим вопросам».

Жданов машинально поднялся с места, минуту сосредоточенно смотрел перед собой в одну точку, словно стараясь вспомнить что-то очень важное. У него была тяжелая волевая челюсть, довольно заметные скулы. А глаза, обычно сероватые, сейчас с красными прожилками на белках — следствие напряженной работы и недосыпания в последние недели, — имели какой-то багровый оттенок.

— Плохо! — наконец произнес он. — Гренадерский корпус Второй армии в последнее время порядком заразился большевизмом, — его глубокий бас звучал твердо, без колебаний. — Об этом мы подробно сообщали в нашей

сводке о политическом настроении войск 7 октября, и сегодня я снова упомянул в отправленной в ставку новой сводке. Но особенно сильно эта зараза проникла в Восемнадцатый Карсский полк Первой гренадерской дивизии. В сущности, он весь стал большевистским. Это, к сожалению, печальный факт. Многие офицеры, не будучи в состоянии вынести такое положение, подали ходатайство о переводе в другие части. Но вот командир полка полковник Водарский, как видно, решил изображать эдакого суворовского «отца-командира» и не захотел покинуть полк... — Жданов поднял взор и посмотрел прямо в глаза Чернову. — Обо всем этом, как я уже упомянул, было доложено и начальнику штаба ставки генералу Духовину.

— Это мне известно, — фыркнул Чернов. — Их делегация приезжала в Питер, в ЦИК, но мы твердо заявили, что приказ верховного остается в силе... Что вы предприняли здесь дальше? Почему ваш приказ о предании полкового комитета суду трибунала до сих пор не выполнен?

Наконец Жданов не выдержал и процедил сквозь тонкие губы:

— Да потому, что за них горой стоит весь Гренадерский корпус, самый боеспособный на всем фронте! Что прикажете, начать с ним войну? С корпусом, который занимает самый ответственный участок нашего фронта...

— Вот! — с торжествующим видом выпрямился Чернов и обвел взглядом присутствующих. — Вот об этом я и хочу поговорить с вами, господа! Об этом неслыханном, ни в какую логику не укладываемом явлении, когда целый армейский корпус — отборный, гренадерский — подчиняется не командованию фронта, не законному правительству, а врагам правительства и командования!

— Ну и что? — сердито огрызнулся Жданов. — Для того, чтобы наблюдать подобное явление, не нужно было приезжать сюда, господин Чернов. Их достаточно много

у вас под носом, в петроградском гарнизоне! — Он вдруг откинулся назад и продолжал усталым голосом: — Я думаю, что вы напрасно затеяли этот разговор, Виктор Михайлович. Да еще в таком тоне... Вам отлично известны процессы, которые происходили не только у нас, но и во всей армии после нашего летнего наступления. Солдатские массы в основном крестьяне. И они, распропагандированные большевистской демагогией насчет мира и земли, отвернулись от нас. Если кого и можно упрекать, то именно вас, социалистов-революционеров. Ибо вы и есть главная крестьянская партия в стране. Это вы первым делом должны были уберечь эти массы от влияния большевиков...

— Так ведь именно с этой целью мы созываем наш завтрашний съезд, — вступился за своего лидера Кожевников. — И Виктор Михайлович прибыл сюда, чтобы помочь нам добиться того, о чем вы говорите...

Балуев, до этого хмуро следивший за пререканиями комиссара фронта с приезжим лидером, теперь невольно усмехнулся. «Хороши... — подумал он. — Все вы хороши, господа! А по мне — это вы и довели армию до развала, все вы, р-революционеры! А теперь валите друг на друга». Но говорить вслух такое, увы, он не мог, поэтому, снова громко засопев, потянулся и взял толстыми пальцами из самшитовой резной коробки одну из длинных, собственноручно набитых папирос. И не успел зажечь ее, как поручик Нестеров и подпоручик Злобин, не испросив разрешения и даже не посмотрев в его сторону, тоже достали портсигары и нервно закурили.

— И раз уж речь зашла о нашей ответственности за настроение крестьянских масс, то будет ли позволено нам тоже задать вопрос: а как насчет рабочих? — пыхнув клубом дыма мимо уха Жданова, спросил Нестеров. — Или, быть может, представители «Российской социал-демократической рабочей партии» считают, что класс, который

они якобы представляют, никакого отношения к интересующим нас событиям не имеет?

Его тон заставил Чернова опомниться. Он понял, что разговор пошел по неправильному руслу и виноват в этом он сам. Да, он тоже в последнее время, точнее, с самого 18 октября, когда прочитал тот самый номер «Новой жизни», был крайне растерян и раздражен. Ибо тогда он одним из первых понял, что в русской революции вот-вот должен произойти некий страшный поворот. В этой связи он даже хотел было отказаться от поездки в Минск, считая намечаемый здесь съезд делом запоздалым и бесполезным. И если все же поехал, то лишь для того, чтобы объяснить здешним деятелям ту новую ситуацию, которая сложилась в стране, настроить их на новые методы борьбы. Но когда по прибытии сюда увидел полнейшее непонимание не только со стороны своих коллег эсеров, но и главкома и комиссара фронта того, что происходит вокруг, то вышел из равновесия, начал наскокивать то на Балуева, то на Жданова, — и вот начались взаимные обиды и обвинения...

— Ладно, господа, оставим эти споры, — махнул он рукой. — Все мы, по-видимому, просмотрели что-то очень важное... — Он сделал паузу и вдруг сердито воскликнул: — Впрочем, ничего мы не просмотрели! Просто народ наш, этот «святой и праведный страдалец», ради счастья которого мы столь долго боролись, оказался недостойн той свободы, которую мы дали ему после славной Февральской революции... Он оказался слишком темным, слишком жадным и неспособным мыслить по-государственному. Он не хочет понять, что когда над его родиной навис кованый германский сапог, то нельзя слушаться безответственных демагогов и заниматься сведением «классовых» счетов, что надо повременить с вопросом земли или там восьмичасового рабочего дня, а надо сначала победить кайзера!

А генерал Балуев все еще сидел, полуприкрыв розоватые веки, слушал эти разговоры и думал: а не дурной ли сон, не наваждение ли это? Он, Петр Семенович Балуев, помещик из Ставрополя, генерал-лейтенант от инфантерии, — разве мог он хотя бы год тому назад даже в мыслях допустить, что в его кабинете будут сидеть те самые «эсеры» и «эсдеки», то есть бунтари и цареубийцы, место которым только на каторге и виселице?.. Мог ли он даже представить себе, что эти вчерашние террористы и «потрясатели основ державы Российской» сегодня станут союзниками, поскольку оказалось, что они «свои», «ручные» (ведь вот как они вдруг заговорили о «сафронах и спиридонах»!) и что есть еще другие «эсдеки», которых почему-то называют «большевиками»... И что он, помещик и генерал Балуев, должен цепляться за «этих» против «тех», чтобы спасти Россию, удержать солдатню на фронте с помощью политики, в которой он ничего не смыслит... Эх-хе-хе, помилуй нас господа!

И как раз в это время он услышал слова Чернова:

— Вы, господа, как вижу, связываете слишком много надежд с открываемым завтра съездом, с тем, что нам удастся круто изменить политическую ситуацию здесь с помощью речей и резолюций... Боюсь, что вы еще не осознали главного: время, когда все решалось красноречием ораторов, прошло и теперь наступает пора, когда должны заговорить пушки.

— Пушки? — впервые за весь вечер молвил слово генерал Вальтер, сухонький старик генштабист в пенсне и с россыпью перхоти на бархатном воротнике кителя. — Это в каком смысле?

— В самом прямом, буквальном, господин генерал, — ответил Чернов.

И, обратившись ко всем, начал рассказывать об этом — о письме Каменева и Зиновьева в «Новой жизни», из которого ясно стало, что большевики недавно приняли реше-

ние начать вооруженное восстание. Он сказал, что Ленин с некоторых пор в своих статьях открыто говорил о необходимости вооруженного захвата власти, например в статье «Удержат ли большевики государственную власть?» («Читали вы эту статью, господа? Теперь их надо читать, и читать весьма внимательно!») Так вот, похоже, что ему удалось склонить большинство ЦК своей партии начать восстание, кроме разве Каменева и Зиновьева, которые этим письмом в «Новой жизни» и выражают несогласие с Лениным. Неизвестно, насколько повлияет их письмо на остальных членов ЦК, но тот, кто знает Ленина, уверен, что он со своей дьявольской логикой возьмет верх.

При этих словах доктор Кожевников воскликнул: «Господи!», а Балугев снова потянулся к самшитовой коробочке, но его ставшие непослушными пальцы только катали папиросы, но не могли ухватить ни одну.

— Да, господа, Ленин слов на ветер не бросает, — повторил Чернов. — Поэтому я возвращаюсь к высказанным здесь словам насчет положения в Питере. И, оставляя в стороне взаимные упреки — кто и в какой мере в этом виноват, — должен сказать, что положение там весьма тяжелое. Армия и флот почти целиком на стороне большевиков, у нас же всего несколько юнкерских училищ, школ прапорщиков, женский ударный батальон и еще кое-какие мелкие части... Естественно, что мы ждем помощи только отсюда, с фронта. Вот почему по дороге сюда я заехал в Могилев, где подробно обсудил проблему помощи нам с фронта.

— Ну и как? — Жданов, словно почуяв, что сейчас начинаются неприятности для него, придвинулся вперед.

— Очень плохо! — как давеча Жданов, жестко произнес Чернов. — Ставка территориально находится в тылу Западного фронта, следовательно, в первую очередь отсюда может взять войска на помощь Питеру. Но ведь и препоны этому делу легче всего устроить здесь, на Западном фронте, не так ли, господин комиссар?

Жданов молча смотрел на него, и это длилось столь долго, что Колотухин поспешил кивнуть вместо него.

— Так, конечно...

— Так вот, там настроены весьма пессимистически насчет вашей способности выделить какие-либо войска на помощь Питеру, господа. Более того, они полагают, что скорее здешние большевики сумеют послать помощь Ленину, поскольку они уже одержали политическую победу над вами, господин Жданов, и над Фронтным комитетом и скоро возьмут в свои руки весь фронт.

— Это мне не нравится! — почти угрожающе воскликнул Жданов.

— Что именно? — почти удивленно спросил Чернов. — Утверждение, что вы потерпели политическое поражение?

— И это тоже, — все тем же тоном произнес Жданов.

— Хорошо. Посмотрим, какие цифры и факты, представленные вами же в Петроград и в ставку, могут доказать это утверждение... — Чернов, усмехаясь, достал из кармана записную книжку и начал листать, не переставая говорить: — Вспомните-ка, сколько здесь было большевиков в апреле, когда они еще находились с вами, господин Жданов, в одной объединенной социал-демократической организации... Десятки, ну, сотни, так? А после размежевания с вами, после первой их областной конференции в середине сентября, у них было... — он наконец нашел нужную запись в книжке и прочитал: — 9 тысяч 190 членов большевистской партии. Это дало им возможность создать здесь областной комитет. А еще через двадцать дней — всего двадцать дней, господа! — на Второй партийной конференции большевиков Северо-Западной области 353 делегата представляли уже 28 тысяч 591 члена и 27 тысяч 856 сочувствующих! Неплохо поработали, а? И они отняли у вас не только Гренадерский корпус, — ведь, в сущности, во всех трех армиях фронта у них значительное и все более усиливающееся влияние... — Чернов

сунул книжку под нос Жданову, словно давая ему понюхать, и спросил: — Ну как, есть ли основание утверждать, что политическую битву за умы солдатской массы на фронте и населения в области мы уже проиграли?

Да, все-таки странно устроены люди! Все присутствующие здесь, конечно, давно были знакомы с этими цифрами, ведь они были опубликованы в печати, о них говорилось на совещаниях и собраниях, эти цифры переписывались сидящими здесь генералами и партийными работниками и направлялись в ставку, в центральные комитеты своих партий. И все же сейчас вид этой книжечки с точными цифрами вплоть до единиц заставил слушателей Чернова по-новому, как бы со стороны посмотреть на свое собственное положение и убедиться, сколько много позиций утеряно ими здесь.

Увидев, что Жданов, насупившись, молчит, Чернов сказал мягче:

— Мне отнюдь не доставляет удовольствия произносить слово «поражение», господа. И если я тем не менее произношу его, то лишь для того, чтобы подвести вас к мысли, что уж второй этап этой борьбы — когда они возьмутся за оружие — мы обязаны выиграть во что бы то ни стало! Между тем похоже, что и здесь события развиваются весьма неблагоприятно...

Жданов вскинул голову, чтобы возразить, но, вспомнив недавнюю свою неудачу, промолчал.

— А действия здешних большевистских лидеров, — продолжал Чернов, — и в особенности выдвинувшегося на первый план Мясникова, показывают, что они настойчиво идут к определенной цели, и эта цель продиктована им из Питера Лениным! Кстати, я имел случай познакомиться с этим Мясниковым еще в 1908 году в Баку и вести с ним публичные дискуссии, поэтому могу засвидетельствовать, что хватка у него крепкая. И не для того он добился здесь политического превосходства, чтобы затем сидеть

сложив руки или дискутировать с нами на съездах. Нет, как только Ленин начнет там, в Питере, они возьмут за горло вас здесь... И в ставке довольно точно определили, где они начнут,— в Гренадерском корпусе, вот где!

— Ну, мы это еще посмотрим,— буркнул Жданов.

— Знаете, Венедикт Алексеевич,— повернулся к нему Чернов,— сейчас уже не время для подобных восклицаний: «еще посмотрим», «бабушка надвое сказала», «рано пташечка запела»... Комиссар ставки господин Станкевич и генерал Духонин, который, как вам известно, был начальником штаба здесь, на Западном фронте, и поэтому достаточно хорошо разбирается в ваших делах, на основании точного анализа ситуации убеждены, что Гренадерскому корпусу здесь отведена роль своеобразного запала. С его помощью должна быть взорвана Вторая армия, а она в свою очередь должна взорвать весь фронт... Вовсю идут приготовления для этого. Во всяком случае, большевики везде выдвигают задачи перевыборов полковых и дивизионных комитетов, а потом они проведут корпусные и армейские съезды. И знаете ли вы, что при перевыборах в комитеты проходят преимущественно большевики? Кроме того, во Второй армии создан Военно-революционный комитет. А для чего? — Чернов переводил взгляд с одного лица на другое. И так как все снова безмолвствовали, продолжил со вздохом: — А вы хотите противопоставить этим конкретным и страшным делам — речи и резолюции вашего съезда...

— Так что же, выходит, съезд не нужно проводить? — недоумевающе спросил Злобин.

— Почему же, я этого не говорил,— обернулся к нему Чернов.— Съезд нужно провести, и как можно лучше. Если с его помощью удастся хоть сколько-нибудь поколебать построение солдат, привлечь на нашу сторону хоть самую малую их часть — это уже будет кое-что. Но я хочу, чтобы вы поняли: съезд многого не даст и связывать

с ним слишком большие надежды не следует. Сейчас главное — сорвать намечаемые большевиками корпусные и армейские съезды, а еще важнее — обезвредить Гренадерский корпус, этот, повторяю, запал всего адского механизма. — Он поискал глазами, увидел на стене занавес и, угадав, что там скрыта карта, шагнул в ту сторону. — Покажите, где расположены позиции этого корпуса.

Все гурьбой подошли к карте, и генерал Вальтер, отодвинув занавес, начал показывать на ней:

— Извольте, господин Чернов... На нашем фронте действуют три армии: Третья на севере, Десятая в центре и Вторая на юге. Гренадерский корпус занимает в центре Второй армии сравнительно короткий участок, но зато крайне ответственный, ибо здесь находится самый удобо-проходимый район на северной оконечности Пинских болот. Южнее гренадеров расположены Девятый и Пятидесятый армейские корпуса с весьма растянутыми позициями вдоль болот, а севернее, на стыке с Десятой армией, — Третий Сибирский корпус. В соответствии с этим на участке Гренадерского корпуса у немцев боевые силы также расположены весьма густо, в особенности артиллерия.

— Да? — Чернов заинтересованно придвинулся к карте и минуту изучал ее, после чего вдруг ткнул коротким пухлым пальцем в пункт по ту сторону двойной красно-синей черты, отмечающей линию фронта, над которым торчала булавка с маленьким черно-бело-красным флажком. — Это Брест-Литовск?

— Да, — подтвердил Вальтер, — штаб немецкой восточной группы армий.

— Там, если не ошибаюсь, командует этот Гофман?

— Командующим там, после перевода Гинденбурга на Западный фронт, назначен Эйхгорн, но, подобно тому как при Гинденбурге главной фигурой был его начальник штаба Людендорф, так и при Эйхгорне тон задает началь-

вик его штаба Гофман... — Вальтер вдруг спохватился, вповороте покосившись в сторону Балуюева, и поспешил разъяснить: — С давних пор в немецкой армии установились такие странные порядки...

— Ну и как они себя ведут там? — спросил Чернов.

— Германцы?

— Да. Не пытаются ли воспользоваться той неразберихой, которая царит на нашей стороне?

Вальтер пожал плечами, и тогда вместо него ответил Балуюев:

— Немцы? Да этих колбасников очень даже устраивает наша «неразбериха», как вы изволили выразиться... Не сомневаюсь, что все эти эйхгорны и гофманы потирают руки и ждут не дождутся, пока у нас все окончательно развалится, после чего они голыми руками возьмут Россию...

Чернов как-то пристально, изучающе посмотрел на него и спросил словно невзначай:

— Но война ведь не кончена, и немцы, надо полагать, не прочь были бы захватить этот самый удобопроходимый участок среди болот... на будущее, а?

Балуюев минуту смотрел на карту, потом перевел взгляд на Чернова:

— Не дай господь, чтобы это случилось... Не забывайте: наш фронт закрывает немцам дорогу на Москву, сердце России! А эти позиции — ключевые на всем фронте.

И тогда Чернов понял, что нужно держать язык за зубами. Что сейчас при этом, хотя и bravom, но недалеко вояке нельзя говорить то самое главное, из-за чего он, собственно, приехал сюда. Сказать, ну хотя бы намекнуть, что если вдруг на этих днях кто-то другой решит... скажем, потрепать или основательно поколотить... этот самый Гренадерский корпус, «большевистский запал», то этому не нужно удивляться и тем более мешать...

...Вначале беседа шла между ним и руководителями ставки — Духониним, Станкевичем, генерал-квартирмейстером Дитерихсом и председателем Всеармейского комитета Перекрестовым. Чернов говорил им о положении в Питере и о необходимости срочно послать туда войска, а Духонин и Станкевич, обещая сделать все возможное, излагали ему свои затруднения, особенно подробно описывая опасную ситуацию, создавшуюся в Минске и на Западном фронте. И лишь после этого генерал Дитерихс, небольшого роста человек с серыми крохотными усиками на худом нервном лице, пригласил его к себе в кабинет и положил перед ним довольно истрепанный номер большевистской газеты «Рабочий путь» от 29 сентября. Там, в статье Ленина «Русская революция и гражданская война», один абзац был обведен красным карандашом и рядом поставлены три жирных восклицательных знака. Чернов, который в свое время, конечно, видел эту статью, теперь вновь начал читать выделенное место:

«...Пугают слухами об отставке Алексеева и об угрозе немецкого прорыва к Петрограду, как будто бы факты не доказали, что именно корниловские генералы (а к числу их безусловно принадлежит и Алексеев) способны открыть немцам фронт в Галиции и перед Ригой, и перед Петроградом, что именно корниловские генералы вызывают наибольшую ненависть армии к ставке...»

Прочитав, Чернов удивленно посмотрел на Дитерихса, и тот с какой-то деревянной улыбкой сообщил:

— Это место подчеркнуто Лавром Георгиевичем...

— Лавром Георгиевичем? Вы хотите сказать... Корниловым?

— Да, — односложно ответил Дитерихс.

«Вот оно как!» — подумал Чернов. Он уже слышал (об этом почти ежедневно писали и говорили большевики), что Корнилов и его сообщники — Деникин, Романовский, Лукомский и другие, — посаженные после мятежа в

тюрьму, а на деле удобно устроенные в здании бывшей женской гимназии Старого Быхова, недалеко от Могилева, только числились узниками. Поговаривали, что они не только отлично питаются, но и свободно сносятся с Калединым на Дону, с ушедшим в отставку бывшим главком-верхом Алексеевым и другими генералами и что при-ставленные к ним Текинский полк и батальон георгиевских кавалеров имеют задачей не столько помешать их побегу, сколько охранять от революционно настроенных частей...

А Дитерихс, внимательно следивший за ним и, вероятно, понявший, что Чернов уяснил все, что надо, спросил:

— Вы, господин Чернов, кажется, собираетесь отсюда поехать в Минск?

— Да, — все еще раздумывая над прочитанными строками Ленина, кивнул Чернов. — Послезавтра там должен открыться съезд солдат-крестьян фронта...

Дитерихс спросил, почти не скрывая выражения отвращения на лице и в голосе:

— Съезд! И вы верите, что он поможет что-нибудь и сколько-нибудь исправить?

— Теперь уже почти нет, — с невольным вздохом признался Чернов. — Но попытаться нужно... Иного выхода ведь нет.

— Есть! — Дитерихс резко поднялся с места и, обойдя стол, стал рядом с ним. — Есть, господин Чернов. Только надо иметь смелость пойти на это!

Чернов, с трудом повернув короткую шею, посмотрел снизу вверх на него.

— Есть? Какой же?

— Должны литься не речи, а должна пролиться кровь! — И Дитерихс почему-то постучал согнутым пальцем по ленинской статье, все еще лежащей перед Черновым.

— Господи! — невольно воскликнул Чернов. — Да разве не за тем я приехал сюда, не об этом говорил с вами? И не вы ли заверяли меня, что сил, способных проливать кровь за нас, — почти нет?

— У нас нет, но вообще-то они есть! — И Дитерихс вновь стукнул согнутым пальцем по газете: тук-тук-тук.

Только тут Чернов посмотрел на то место в газете, по которому настойчиво стучал генерал, и почувствовал: генерал пытается внушить ему какую-то важную мысль, но какую именно, он все еще не мог понять. А Дитерихс, вновь не давая себе труда объяснить, для чего обратил внимание собеседника на это место ленинской статьи, продолжал:

— Там, во Фронтовом комитете, большинство составляют ваши единомышленники, господин Чернов. И в те августовские дни они, увы, тоже оказались достаточно... недальновидными. Сейчас они, похоже, образумились и готовы бороться с большевиками. Они попросили у нас силы, и мы послали им все, что можно, — Кавказскую кавдивизию, несколько батальонов «ударников» и «георгиевцев», но...

— Но?.. — нетерпеливо повторил Чернов.

— Этого мало. У большевиков теперь, в сущности, весь фронт. Достаточно им вызвать хотя бы один революционный корпус, и он разметет все эти верные нам части в Минске, раздавит штаб фронта, пойдет на нас, на ставку, а может быть, и дальше — в Петроград!

— Так где же выход?

— Нужно, чтобы этот корпус не смог сдвинуться с позиций! — резко сказал Дитерихс. — И если мы не в состоянии справиться с большевиками Минска, то мы должны предоставить это дело тем, кто имеет достаточно сил, чтобы разгромить, развеять их в прах!

Чернов, вытаращив глаза, смотрел на него, потом снова перевел взгляд на статью Ленина. И вдруг понял: немцы. Вот кто, оказывается, должен сделать это!

— Поймите, это высшая форма патриотизма, — наставлял тем временем Дитерихс. — Военная логика всегда основывалась на железном законе: своя воинская часть, подвигавшая во время войны мятеж, опаснее официального противника, и разгром ее этим противником есть благо, ибо это приводит к общему ослаблению врага.

— А... они, — Чернов не осмелился произнести нужное слово, — знают об этом?

Дитерихс, видимо, тоже не решился ответить прямо.

— Ну, им эти позиции очень нужны. Да и гренадеры эти за войну немало досаждали им. Так что дело не в них, а в тех, кто сидит в Минске. Памятуя об их поведении в августе, мы вынуждены делать все, минуя их, через их головы. Но сейчас настала пора, когда это, — он снова ткнул пальцем в начало ленинской статьи, — вот-вот должно осуществиться, и нужно, чтобы минчане сидели тихо. Ну, хотя бы не вмешивались. Но как мы скажем им это? Ведь мы — «корниловские генералы», которые «вызывают наибольшую ненависть к ставке!» — Он сделал паузу, потом прибавил с досадой в голосе: — Впрочем, мы опасаясь говорить об этом не только вашим социалистам, но даже главнокомандующему. Да, да, Петр Семенович — старый, заслуженный генерал... Сегодня, например, он передал нам текст своего приказа по фронту о борьбе с братами солдат с немцами. Приказывает открывать артиллерийский огонь по тем районам, где происходят встречи русских с немцами, отдавать под суд братающихся солдат. Смело! В наши дни издавать такие приказы не шутка, и он не побоялся сделать это. Но именно поэтому-то мы не знаем, как же быть с ним в таком деле. Ибо в основе его приказа лежит все тот же старомодный, узколобый патриотизм: немец, мол, враг и с ним может быть только один разговор — языком пули и штыка!

— Гм... Насколько понимаю, вы считаете целесообразным, чтобы об этом говорил им я? — спросил Чернов.

— Именно! — подтвердил Дитерихс. — Только обезопасив себя со стороны Минска и получив в свое распоряжение этот важный железнодорожный узел, ставка сможет перебросить в Петроград требуемую вами помощь в достаточном количестве. Но говорить об этом с ними пужно, конечно, не сразу, а предварительно хорошо прощупав настроение каждого, кто может быть допущен к тайне операции. Понимаете, Виктор Михайлович?

...Да, пожалуй, Дитерихс был прав: с этим генералом на такую тему не столкнешься. Если здесь и есть человек, который может понять и поддержать такое решение дела, то лишь этот ершистый Жданов, комиссар штаба.

— Впрочем, еще неизвестно, что там думают немцы, — как раз в это время произнес Жданов, внимательно глядя на Чернова. — Да и мы еще не считаем, что большевики здесь уже положили нас на обе лопатки. Ведь и корпусные, и армейские комитеты еще в наших руках, и мы стараемся с их помощью сорвать съезды, которые намеряют созвать большевики.

— Совершенно правильно, — быстро кивнул Чернов. — А какие военные меры приняты вами здесь, в Минске, против выступления большевиков?

Жданов на сей раз более уверенно доложил:

— К Минску подтянута Кавказская кавалерийская дивизия, которая расквартирована недалеко от города, в ближайших селах. Кроме того, в самом городе имеются уланский полк Польского корпуса, два ударных батальона георгиевских кавалеров, батальон охраны штаба фронта, несколько эскадронов текинцев — личная охрана главнокомандующего — да еще кое-какие части, верные командованию.

— Хорошо, — удовлетворенно хмыкнул Чернов. — А что у них?

— Да пока что небольшие силы: Тридцать седьмой пехотный запасной полк, который, однако, не вооружен, затем эта их Красная гвардия — плохо вооруженный и для серьезного дела негодный сброд; батарея зенитчиков, также не имеющая прикрытия... Нет, господин Чернов, в случае нужды мы быстро создадим в городе подавляющий перевес в силах, не беспокойтесь!

— Ладно, вижу, вы в самом деле хорошо подготовились,— одобрил Чернов.— Так вот, насчет этого «в случае нужды»... Если этот случай произойдет, если большевики в Питере действительно попытаются устроить переворот, то вы должны немедленно принять все меры, все,— повторил он,— для задержки пробольшевистских частей здесь и, наоборот, послать побольше надежных войск в Питер и Москву — на помощь правительству...

— Понятно,— кивнул Жданов серьезно.

Чернов снова посмотрел на Балуева, и тот невольно тоже кивнул, хотя и не проронил ни слова.

— Ну а теперь давайте поговорим о завтрашнем съезде,— повернулся Чернов к Нестерову.— Что там вы говорили?..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На следующее утро съезд крестьян-фронтовиков открылся. После выборов президиума и секретариата, доклада мандатной комиссии и других формальностей первым выступил Нестеров. Он говорил о задачах съезда: поднять крестьянство Северо-Западной области и солдат-крестьян фронта на защиту завоеваний великой русской демократической революции от посягательств как справа от монархистов и помещиков, так и слева — от так называемых большевиков, которые сейчас прилагают серьезные усилия свести на нет все успехи народа в борьбе за

свободу. А как они хотят это сделать — расскажет съезду старый и верный друг крестьян, нескгибаемый революционер, борец за землю и волю, за народовластие Виктор Чернов, специально прибывший из столицы на этот съезд.

Поскольку съезд официально был созван от имени Фронтового комитета, то Мясников, как член президиума последнего, был избран также и в президиум съезда. Но он намеренно не пошел на сцену, а сидел в зале, в первом ряду, делая пометки в записной книжке. Он тоже хорошо помнил свои прежние встречи с Черновым и считал его достаточно умным и опасным врагом. Поэтому он внутренне весь подобрался, когда увидел, что появление Чернова на трибуне было встречено громом аплодисментов и даже криками «ура».

И он вновь убедился, что Чернов действительно умеет быть красноречивым. Говорил он простыми и какими-то округлыми фразами, точно расставлял ударения, многозначительно подчеркивая отдельные слова, отчего самые обычные мысли казались чуть ли не откровением. Он говорил о крестьянине — соли земли русской, создателе всех богатств, основе могущества державы Российской, но, увы, веками угнетаемом царями и помещиками, о народниках, начавших самоотверженную борьбу за освобождение крестьян, об их подвигах и жертвах, принесенных в борьбе с царизмом, и, наконец, об эсерах — наследниках и продолжателях дела народников, единственных и последовательных защитниках интересов крестьянства в наше время. Да, единственных, ибо все остальные партии представляют интересы других классов, а с крестьянством только заигрывают, да и то потому, что это основной, самый многочисленный класс народа и без его помощи ничего добиться они не могут...

«Ах вон вы куда гнете, господин Чернов! Ну ладно же, я вас на этом жульничестве и поймаю...» — усмехнулся Мясников, начав быстро набрасывать тезисы своих возра-

жений в записную книжечку. И, продолжая время от времени поглядывать в сторону сцены, сразу заметил, как там перешептываются Нестеров, Кожевников, Злобин и другие, кивками показывая в его сторону. Да и сам Чернов, которому, видно, уже говорили, где сидит их главный враг, тоже стал поглядывать в сторону Мясникова и повысил голос:

— Взять хотя бы большевиков, партия которых называется «социал-демократической рабочей» и которая в последнее время больше всех делает реверансы перед крестьянством, пытаясь демагогическими лозунгами завоевать его сочувствие...

Сидящие в зале и по его взгляду, и по тону поняли, что оратор дошел до главной части своей речи, и многие, приподнявшись, начали смотреть в сторону Мясникова. А тот, перестав писать, с усмешкой глядел на Чернова, развивающего в это время мысль о том, что, как известно, подлинная цель партии большевиков — это установление «диктатуры пролетариата». А этого пролетариата в России, как тоже известно, с гулькин нос: горстка в Петрограде, горстка в Москве да еще по горсточке в других городах — и все. И вот эту диктатуру, полное господство небольшой прослойки рабочих над всем народом, и в том числе над подавляющим его большинством, крестьянством, и хотят установить большевики! А чтобы крестьянство не сопротивлялось, они играют на его усталости от войны, на желании поскорее получить землю, выйти из тисков голода...

«Ну-ка, ну-ка, посмотрим, что ты будешь дальше говорить», — мысленно задал вопрос Мясников, угадывая, что именно здесь должна находиться ахиллесова пята демагогии Чернова. И он не ошибся, ибо внешняя логичность речи оратора здесь дала первую серьезную трещину.

— Они толкают крестьян на всякие незаконные действия, — осуждающе глядя в сторону Мясникова, продолжал Чернов, — на самочинные захваты земли. А это, ко-

нечно, может привести только к анархии, междоусобице, к поражению в войне. Германский империализм, вернее, кайзер Вильгельм воспользуется победой, чтобы восстановить на троне свою сестру и царя Николая со всей помещичьей сворой, и тогда — прощай все надежды на землю вообще, на волю вообще, на власть демократии вообще!

Мясников уже знал, на чем он будет строить свою речь. Но он не спешил выступить, ибо ему нужно было найти в старых газетах кое-какие материалы. И это промедление его тоже сбило с толку эсеров. Они вынуждены были выпускать все новых и новых ораторов, которых приберегали для отпора выступлениям большевиков. И эти ораторы говорили уже без всякого запала, невольно повторяясь и тем самым ослабляя впечатление от выступления Чернова. В зале начались разговоры, покашливание, многие делегаты выходили покурить, другие закурили прямо здесь же.

Лишь на следующий день, 24 октября, пропустив несколько ораторов, Мясников наконец поднялся на сцену. Сразу установилась тишина и взгляды всех обратились к нему. И в этой настороженной тишине вдруг из зала раздался чей-то голос: «Держись, братцы, сейчас начнется потеха!» Злобин тут же вскочил на ноги и сердито затряс колокольчиком. А Мясников, посмотрев в сторону крикуна, сказал серьезно:

— Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

И затем для начала он вкратце изложил делегатам разницу между аграрными программами большевиков и эсеров. Но сейчас, сказал он, дело даже не в том, чья программа лучше. Сейчас важно понять, какая партия готова на самом деле выполнить собственную программу.

— Вот здесь выступал видный эсеровский лидер Виктор Чернов. Вы все слышали речь этого господина о том, что его партия — единственно до конца преданная интере-

сам крестьянства и враждебная помещикам партия. Хорошо, давайте поверим этому. Но вот в мае этого года господин Чернов, как вам известно, стал министром в коалиционном правительстве, сменив на этом посту кадета Шингарева. Кажется, вот тут он и направит все усилия на защиту интересов крестьян против помещиков, не правда ли? А что же произошло на самом деле? Как раз в эти дни князь Волконский, крупнейший тамбовский помещик, на страницах печати обратился к господину Чернову, «разъясняя» ему, в чем состоят его подлинные задачи и каковы требования помещиков к нему. Вот, посмотрите, что он писал тогда...

Мясников вытащил из кармана френча вырезку из газеты и, бросив мимолетный взгляд в сторону президиума, заметил, как Чернов весь подался вперед, буквально пожирая его взглядом. Невольно усмехнувшись, Мясников начал читать отрывки из статьи Волконского:

— «Только предписанием свыше можно достигнуть однообразия действий, только таким путем можно вылить холодной воды на тот уголь наживы, подогретый побуждениями классовой борьбы, который грозит своим дымом застелить всякое понимание общественной пользы и в своем пламени поглотить благосостояние тех, кто его раздувает...» — Остановившись, Мясников посмотрел в зал и громко спросил: — Ну как, узнаете? Разве это не то же, что вам иными словами вчера говорил здесь господин Чернов, уверяя, что всякие «самочинные» захваты земли снизу могут привести к анархии и гибели революции и что нужно ждать созыва и решения Учредительного собрания, то есть делать все по «предписанию свыше», как это и рекомендует князь Волконский?

В зале поднялся ропот, и Мясников, поняв, что это сходство уловили все, крикнул:

— Но вы послушайте, товарищи, послушайте дальше: «...следует сказать крестьянам властно, что есть дей-

ствия, которые в такие времена, как наши, являются противоестественными. Надо им сказать это, и это можете сделать только вы из Петербурга. Всякое слово, сказанное здесь, на месте, — под подозрением; тому верить нельзя потому, что он купец, тот, «известное дело, юрист», а всё вообще — «буржуазный», «старый режим»... Вы, господин министр, — новый режим... Скажите слово — вам поверят. Время еще есть, но оно не очень терпит...»

Мясников повернулся в сторону президиума и спросил: — Было такое, господин Чернов? — И так как тот молчал, нахмурив брови, снова обратился к залу: — А теперь посмотрим, что же ответил наш «защитник интересов крестьянства» князю и помещику Волконскому. Может быть, возмутился по поводу столь неслыханного предложения — защищать помещиков от посягательств крестьян? Ну хотя бы ответил презрительным молчанием? Да ничуть не бывало! В газете «День» от 12 июля он поспешил успокоить встревожившегося князя... — Мясников достал еще одну газетную вырезку и начал читать: — «Мои законопроекты имеют целью именно ввести в закономерное русло ту местную общественную самостоятельность, которая иначе неизбежно выходит из берегов и, как половодье, многое разрушает»... — Он спокойно сложил вырезку, сунул в карман и, не глядя в сторону Чернова, насмешливо произнес: — Я на этом кончаю и даю возможность господину Чернову выступить и опровергнуть приведенные мной факты. Если он сделает это, значит, его взяла. Но ежели он не сумеет доказать, что до сих пор был защитником крестьян, а не князей Волконских и иже с ними, то тогда, значит, он и сюда прибыл лишь для того, чтобы уговорить вас не идти за большевиками, которые не на словах, а на деле готовы коренным образом решить земельный вопрос, а именно, не дожидаясь Учредительного собрания, отобрать землю у помещиков и без всякого выкупа и оплаты отдать крестьянам на пользование...

Вопрос был поставлен настолько резко и категорично, что Чернов не мог ни отмолчаться, ни даже тянуть с ответом. Поэтому, стараясь казаться спокойным, он снова вышел к трибуне и начал насмешливым тоном говорить о том, что давно имел честь лично знать главаря минских большевиков и поэтому вполне представлял, что это не бог весть какое сокровище. Однако уже первая речь, которую он, Чернов, услышал здесь, показала, что за прошедшие годы по линии демагогии и инсинуаций сей деятель добился заметного «прогресса» и может дать фору любому из большевистских лидеров...

Если бы ему удалось говорить и дальше в таком духе, избегая касаться сути затронутых Мясниковым вопросов и лишь высмеивая противника, то, быть может, он сумел бы вывернуться. Но кто-то крикнул из зала: «А все же писали вы такой ответ Волконскому?» — и Чернов не выдержал, вдруг зло взвизгнул: «Да, я против местной самодеятельности! Да, я за соблюдение законности! Но это не значит, что я защитник помещиков...» — и этим все испортил.

В зале нарастал шум. Присутствующие понимали, что после спокойной и аргументированной речи Мясникова эта истерика эсеровского лидера свидетельствует о том, что ему наступили на «больную мозоль».

И тогда председательствующий Кожевников счел за благо объявить сегодняшнее заседание закрытым, чтобы успеть продумать, как же быть дальше, чем рассеять дух недоверия, вселенный речью Мясникова в души делегатов съезда.

В этот самый вечер, 24 октября, накануне открытия II Всероссийского съезда Советов, Владимир Ильич, отлично понимавший, что предупрежденные предателями враги усиленно готовятся к подавлению вооруженного восстания и надо во что бы то ни стало упредить их, на-

правил из своей конспиративной квартиры категорическое письмо в ЦК:

«Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс.

Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского * показывает, что ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!

Цена взятия власти тотчас: защита *народа* (не съезда, а народа, армии и крестьян в первую голову) от корниловского правительства, которое прогнал Верховского и составило второй корниловский заговор.

Кто должен взять власть?

Это сейчас неважно: пусть ее возьмет Военно-революционный комитет «или другое учреждение», которое заявит, что сдаст власть только истинным представителям интересов народа, интересов армии (предложение мира тотчас), интересов крестьян (землю взять должно тотчас, отменить частную собственность), интересов голодных.

Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках

* А. И. Верховский — военный министр в последнем составе буржуазного Временного правительства (*ред.*).

Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью.

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все.

Взяв власть сегодня, мы берем ее не против Советов, а для них.

Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия.

Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их.

Это доказала история всех революций, и безмерным было бы преступление революционеров, если бы они упустили момент, зная, что от них зависит *спасение революции*, предложение мира, спасение Питера, спасение от голода, передача земли крестьянам.

Правительство колеблется. Надо *добить* его во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно».

...Так в тот самый вечер, когда в Петрограде Ленин в сопровождении финского рабочего Эйно Рахья отправился поздно вечером с Сердобольской улицы на Выборгской стороне в Смольный институт, чтобы возглавить самое значительное событие в истории; в тот самый час, когда с крейсера «Аврора» раздался исторический выстрел и отряды солдат, матросов и рабочих-красногвардейцев ринулись на штурм Зимнего дворца, — в этот час в Минске ничего еще не звавшие об этом большевики продолжали вести с эсерами хотя и принципиальные, но уже ставшие ненужными споры о ближайших судьбах революции.

На следующее утро в Минске опять моросил дождь. В этот день, в предполагаемый день открытия II съезда Советов, было назначено широкое заседание Северо-Западного областного комитета партии, для чего кроме Мясникова, Кнорина, Алибегова, Берсона, Щукина, постоянно находящихся в Минске, были приглашены Николай Рогозинский, Василий Каменщиков, Николай Тихменев из Второй армии, Лев Громашевский из Десятой, Анучин из Третьей армии, а также Хатаевич из Гомеля, представители большевистских организаций Луница, Бобруйска, Жлобина, Слуцка, Орши и других городов. Не было лишь Владимира Селезнева, секретаря областного комитета, и Василия Фомина, выехавших дня два назад в Питер для участия во II съезде Советов.

Заседание должно было начаться во второй половине дня, а пока те, кто уже прибыл, сидели в кабинете Мясникова и беседовали. Алибегов и Щукин на правах хозяев принесли откуда-то большой пузатый чайник, солдатские жестяные кружки и две буханки ржаного хлеба. Появился из типографии Кнорин с пачкой только что выпущенного номера «Буревестника». Все оживились и, согреваясь чаем, начали просматривать газету. В передовой статье, посвященной открытию II съезда Советов, говорилось:

«Нам нужно кончить грабительскую войну, предложив демократический мир! Нам нужно отменить помещичьи права на землю и передать всю землю без выкупа крестьянским комитетам! Нам нужно уничтожить голод, побороть разруху и поставить рабочий контроль над производством и распределением! Нам нужно дать всем народам России право свободного устройства своей жизни. Но для того, чтобы осуществить все это, необходимо прежде всего вырвать власть у корниловцев и передать ее Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. Поэтому наше первое требование: «Вся власть Советам!...»

Верная себе, газета ставила вопрос о власти открыто,

прямо и резко, и комитетчики, читая эти строки, невольно думали о том, как на это будут реагировать в штабе фронта. И, конечно, не могли знать, что через час-полтора начальник штаба генерал Вальтер, прочитав эти строки, в бешенстве напишет — в какой уж раз! — распоряжение о запрещении дальнейшего издания «Буревестника»...

...Еще летом, как только минские большевики вышли из пресловутой «объединенки» и создали свою собственную организацию, Мясников, Фрунзе, Фомин и другие начали подумывать о том, что для воздействия на массы солдат, только что вышедших из долгой политической спячки и сразу попавших под влияние «революционного оборончества» партий эсеров и меньшевиков, их партия должна иметь здесь свою собственную газету. Но среди минских большевиков были и такие, которые посмеивались: «Какими силами и на какие средства здесь, в Минске, можно издавать большевистскую газету, да кто ее будет читать?»

18 июня Временное правительство начало на фронте наступление. Минские большевики как в городе, так и в войсках вели усиленную устную агитацию и добились многого: наступление на Западном фронте, в сущности, было сорвано. Однако в стране началось то, что Ленин непосредственно связывал с наступлением на фронте, — насилие над массами, преследование интернационалистов, отмена свободы агитации, аресты и расстрелы тех, кто был противником продолжения войны, то есть в первую очередь большевиков. В этих условиях издание газеты становилось уже крайне необходимым. Поэтому Минский комитет направил одного из своих членов, Дмитриева, в Питер, с «челобитной» — ссудить некоторую сумму для начала издания газеты. И ЦК, сам находящийся в крайне стесненных финансовых обстоятельствах, прислал молодой организации целых две тысячи рублей.

Это был подлинный праздник: на эти деньги можно было выпустить, как рассчитали минчапе, шесть номеров газеты тиражом в 3 тысячи экземпляров.

Но тут же выяснилось, что ни один владелец типографии в городе не желает связываться с большевиками. Стоило сказать им, чьим органом будет новая газета, как тут же слышался ответ: «Дураков мало, чтобы из-за большевистского листка поплатиться собой и своим семейством!»

Так, обойдя почти все типографии города, Мясников, Кнорин и Фомин наконец пришли к старому типографу, добродушному еврею Данцигу. Его типография когда-то выпускала монархическую газету «Северо-Западный край», закрытую после Февральской революции, поэтому он нуждался в заказах. Тут же был заключен договор, оставлен задаток на пять первых номеров, а на остальные деньги, снова с помощью всяких хитростей, была доставлена бумага.

Но и после этого забот хватало. Чтобы дело не провалилось сразу же, надо было найти своих наборщиков-большевиков и других типографских работников. А поскольку таковых было мало, то член Минского комитета Альферов выполнял одновременно обязанности и метранпажа, и выпускающего, и вербовщика рабочих, и организатора их питания, наконец, сам с верстаткой в руке становился у наборных касс. С его помощью было и найдено название газеты: «Звезда» — в память об одной из старых и боевых большевистских газет.

Первый номер «Звезды» вышел в свет 27 июля. И сразу стало ясно, насколько были правы те, кто стремился создать эту газету. Она сыграла огромную роль в консолидации разрозненных в огромном крае и на фронте групп большевиков вокруг вновь созданного центра — Северо-Западного областного комитета РСДРП(б). Она была главным средством политического воспитания масс, распространения идей большевиков среди рабочих и крестьян, сре-

ди солдат и офицеров. «Звезда» сразу стала любимой и необходимой газетой для одних, ненавистой — для других. Для того чтобы поддержать ее дальнейшее существование, солдаты из фронтовых частей, голодающие рабочие из разных городов собирали свои последние копейки и отсылали с нарочными в редакцию «Звезды». И Мясников, человек отнюдь не сентиментальный, однажды был растроган буквально до слез, получив такое письмо:

«Мы, солдаты, политические арестованные, находящиеся в распоряжении этапного коменданта 13 этапа города Минска и вот уже два месяца не получающие жалованья, прочитавшие дорогую нам газету «Звезда», несмотря на наше тяжелое материальное положение, решили отчислить в «железный фонд» газеты нашу посильную лепту — наш однодневный паек из хлеба и сухарей, недобранный нами в сумме 12 р. 60 к. Приветствуем «Звезду», выходящую на страх буржуазии, а нам на просвещение».

Зато штаб фронта, эсеры и меньшевики приходили в ярость от каждого номера газеты. В ставку и в Питер, правительству, летели телеграммы и доносы на эту «зловредную» газету, в результате чего 23 августа поступило распоряжение: закрыть «Звезду» и — для пресечения «зла» в самом корне — секвестровать типографию, где печаталась газета.

Но ни сами большевики, ни фронт, ни трудящиеся края уже не могли обходиться без этой своей газеты, говорящей правду о войне и политике. Поэтому принимались все меры, чтобы возобновить ее издание под другим названием. Поскольку теперь все знали печальную участь Данцига и никто уже не соглашался предоставить типографию большевикам, то пришлось буквально «революционным порядком» захватить ее у некоего Гриблата и начать печатать газету под названием «Молот».

После того как «Звезда» проложила дорогу большевистскому влиянию на массы, «Молот» сразу завоевал ог-

ромную популярность среди них. Тираж газеты по тем временам был просто огромным. Если «Звезда» с трех тысяч экземпляров дошла до шести, то «Молот» сразу поднялся до восьми, а потом и до десяти тысяч.

«Молот» выходил с 15 сентября по 6 октября, но семнадцать его номеров успели оказать огромное влияние на события в Минске и на Западном фронте. В частности, во время перевыборов в Минский Совет большевики получили уже решающее большинство как в Совете, так и в исполнительном комитете.

Разумеется, в стане врагов эта новая газета вызывала еще большую ненависть, чем «Звезда». Штаб фронта, и в особенности комиссар Жданов, продолжал настаивать перед ставкой и Временным правительством на запрете «Молота». Наконец, получив согласие ставки и Временного правительства, главком Бадуев 6 октября издал приказ о прекращении издания газеты.

Но большевики уже предвидели это. Наученные горьким опытом, они подготовили своеобразные «запасные позиции» — небольшую типографию при Минском Совете. И как только «Молот» был закрыт, уже через день, 8 октября, они начали издавать третью свою газету — под названием «Буревестник».

Члены областного комитета все еще не собрались, поэтому заседание начать нельзя было, а так как съезд солдат-крестьян продолжался, то Мясников, Щукин и еще несколько товарищей, захватив с собой пачку номеров «Буревестника», направились в городской театр.

Однако и здесь заседание почему-то не открывалось. Зал был уже полон, делегаты по обыкновению громко переговаривались, курпили или лузгали семечки, но за столом президиума на сцене никого не было. Мясников с товарищами, как и в предыдущие дни, сидел в первом ряду

партера. Он обратил внимание на то, что из-за кулис выглянули Злобин и Кожевников и, почему-то пристально посмотрев в его сторону, поспешно скрылись.

— Там у них что-то стряслось, — тихо проговорил сидящий рядом Шукин, не отрывая взгляда от сцены.

— Да, мечутся, как бараны... — ответил Мясников, пытаясь догадаться, в чем дело.

— Я выйду разужнаю, — быстро сказал Шукин и начал пробираться к выходу.

Он не возвращался целых четверть часа, а когда наконец появился, то озабоченно зашептал:

— Все эсеры во главе с Черновым заперлись в одной из комнат и о чем-то совещаются. Туда к ним то и дело входят и выходят посыльные из штаба. Но в чем дело, так и не сумел выяснить, так как меня туда не пустили.

— Из штаба, говоришь? — озабоченно спросил Мясников. — Значит, случилось нечто важное. Или на фронте, или там, в Питере...

— Да, похоже, что так.

В зале уже нетерпеливо хлопали в ладоши и топали ногами, когда наконец из-за кулис гурьбой вышли члены президиума и начали рассаживаться за покрытым зеленым сукном длинным столом. Вид у них был явно встревоженный и даже удрученный. И снова Мясников заметил, что Чернов и остальные эсеры смотрят на него с ненавистью и страхом. «Что за черт, — подумал он, — ведь не из-за моей же вчерашней речи они испепеляют меня взглядами?»

Едва члены президиума расселись по местам, как Злобин поднялся и, трагическим голосом призвав к тишине, дал слово Чернову для внеочередного заявления.

В зале, видимо, тоже почувствовали, что произошло нечто из ряда вон выходящее, так как вопреки обыкновению тишина установилась мгновенно. И в этой глубокой, настороженной тишине раздался рыдающий голос Чернова:

Долой
Голод и Разлуку!

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ПРИБЛАЗИ!

Долой войну!

— Граждане делегаты!.. Братья-солдаты!.. Час тому назад из Петрограда получена удручающая, страшная весть... Одна из российских партий, а именно большевистская партия Ленина, презрев интересы громадного большинства народа и преследуя узкоэгоистические цели... вчера ночью подняла мятеж, чтобы захватить власть...

При этих словах Мясников вскочил на ноги. Но делегаты, словно загипнотизированные, продолжали сидеть на своих местах, боясь пропустить хоть одно слово. Чернов, гневно сверкая глазами на Мясникова, продолжал окрепшим голосом:

— Но если даже эти сведения соответствуют действительности, если даже этой презренной кучке заговорщиков удалось в самом деле арестовать правительство, представляющее живые силы народа, то все равно они долго не продержатся у власти...

В ушах Мясникова стоял какой-то шум, но он шел не извне, а откуда-то изнутри. «Началось?.. Неужто началось?.. Ну да, там уже началось то, о чем мы так долго мечтали, говорили, во что верили, к чему готовились и все же не совсем точно представляли, когда и как оно произойдет. А оно уже произошло — самое важное событие в истории России, быть может даже человечества... И похоже, что началось хорошо. Хотя и не так, как мы думали, потому что ведь мы тоже должны были в этом участвовать... Должны были послать туда войска, а перед этим сначала взять фронт в свои руки... Значит, обошлись без нас, без нашей помощи? Что же теперь нам делать? Конечно, надо и нам начать действовать. Да, только вот что-то мешает собраться с мыслями, что именно? Ах да, этот гривастый болтун... Он вроде бы даже грозитя кулаком. И кажется, теперь на меня смотрит весь зал... Ну да, они ждут, что я скажу, как отвечу на эти визгливые выкрики».

Мясников заставил себя отогнать нахлынувшие мысли

и снова прислушаться к речи Чернова. А тот в это время вытащил какую-то бумажку и выкрикнул:

— Предлагаю съезду принять следующую резолюцию: «Съезд солдат-крестьян Западного фронта с глубокой горестью услышал о том, что одна часть демократии вновь пытается в Петрограде захватить в свои руки силой власть... Съезд категорически заявляет, что никому не позволит захватить силой власть... И сумеет в случае надобности обуздать силой тех, кто не захочет с ним считаться...»

Чернов сложил листок и снова обратился к залу:

— Товарищи солдаты! Предлагаемая резолюция может быть единственным ответом, который способен отрезать господ большевиков как в Петрограде, так и здесь, в Минске, и на Западном фронте... Поэтому я предлагаю принять решение, чтобы все делегаты нашего съезда немедленно вернулись в свои воинские части и подняли армию против большевистских насильников!

Мясников и сам не понял, как очутился на сцене. Еще не дойдя до трибуны, он насмешливо и презрительно взглянул на замолкшего Чернова.

— Вы это серьезно предлагаете, господин Чернов? — спросил он. — Вы в самом деле готовы стать на путь «силы» против начавшейся социалистической революции? А не согласились бы вы лично направиться в одну из фронтовых частей и сами призвать солдат выступить с оружием в руках против революционного Петрограда? — Мясников резко повернулся к залу и, указывая пальцем на Чернова, крикнул зычно: — Товарищи! Сей господин, как и все «социалистические вожди», или провокатор, или просто не понимает, какие изменения произошли в стране и армии за последние месяцы. Но вы-то, товарищи солдаты, в отличие от этих тугодумов, ведь хорошо знаете, что случится с каждым, кто осмелится явиться с таким предложением к фронтовикам... Ведь знаете же, что такого безумца мгновенно

поднимут на штыки, разорвут на части! Господин Чернов уверяет вас, что революцию в Питере совершила «кучка насильников» во главе с Лениным и что революция якобы направлена против большинства демократии. — Он снова обернулся к Чернову и бросил ему в лицо: — Ложь, господин Чернов! Вам отлично известно, что мы, большевики, не считали возможным взять власть ни в июльские дни, ни сразу после корниловского мятежа, потому что тогда за нами еще не было большинства народа. Тогда взятие власти действительно было бы авантюрой, и вы тогда смогли бы повести против нас большую часть армии, чтобы силой подавить наше выступление... Но теперь, когда вы не только не решили земельного вопроса, но и начали подавлять крестьянские восстания, когда вы упорно продолжаете вести царскую колониальную политику в национальных окраинах, — теперь уже сам народ, сами рабочие и крестьяне рвутся в бой! Да, это они, рабочие и одетые в шинели крестьяне, подняли восстание в Петрограде, а наша партия лишь исполняет свой долг перед народом, став во главе его справедливой революции... — Мясников поднял обе руки вверх и крикнул: — Товарищи! Запомните этот великий день в истории нашего народа, день, когда началось осуществление вековых чаяний трудового люда, когда власть помещиков и буржуазии сброшена и установлена власть Советов! Да здравствует Советская власть — власть рабочих и крестьян!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Они ушли со съезда, потому что им там больше нечего было делать. Хотя Мясников и попятня не имел о написанном вчера вечером письме Ленина Центральному Комитету, не читал его слов: «На очереди стоят вопросы, которые на совещаниях не решаются, не съез-

дами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс», но он и сам понимал, что уж теперь, когда в Питере началась революция, сидеть на этом, по сути эсеровском, съезде означает попусту убивать драгоценное время.

На улице еще моросил мелкий вазойливый дождик, при дыхании даже виден был пар, вот-вот пойдет мокрый снег.

Однако Мясников, быстро шагая на Петроградскую, в Минский Совет, не замечал ни дождя, ни холода. Шедший рядом Щукин вдруг выбросил вперед руку и воскликнул:

— Вон, кажется, Алибегов бежит!

— Ага, — согласился Мясников. — За нами, видно... Там уже знают об этом.

Бегущий навстречу им Алибегов, в шинели нараспашку и съехавшей набок папахе, тяжело бухал сапогами по лужам, но, заметив Мясникова, замедлил шаг. Лицо его излучало восторг.

— Ну? — еще не дойдя до него, нетерпеливо спросил Мясников.

— В Питере революция, Алеша! Наши взяли власть! — еще более гортанным голосом, чем обычно, воскликнул Алибегов.

— Это я знаю, — нетерпеливо махнул рукой Мясников. — От наших есть какое-нибудь сообщение, указание, как действовать?

— Есть, конечно, получена телеграмма Петроградского военно-революционного комитета! Потому я и побежал за тобой.

Но телеграмма оказалась не совсем тем документом, о котором думал Мясников.

Это была телеграмма Петроградского военно-революционного комитета всем армейским комитетам и Советам солдатских депутатов о Великой Октябрьской революции в Петрограде:

«Петроградский гарнизон и пролетариат низверг правительство Керенского, восставшее против революции и народа. Переворот, упразднивший Временное правительство, прошел бескровно.

Оповещая об этом армию на фронте и в тылу, Военно-революционный комитет призывает революционных солдат бдительно следить за поведением командного состава. Офицеры, которые прямо и открыто не присоединились к совершившейся революции, должны быть немедленно арестованы как враги!

Программу новой власти Петроградский Совет видит в немедленном предложении демократического мира, в немедленной передаче помещичьих земель крестьянам, в передаче всей власти Советам и в честном созыве Учредительного собрания. Народная революционная армия должна не допустить отправки с фронта ненадежных войсковых частей на Петроград, действовать словом и убеждением, а где не помогает — препятствовать отправке беспощадным применением силы.

Настоящий приказ немедленно огласить перед воинскими частями всех родов оружия.

Утайка армейскими организациями этого приказа от солдатских масс равносильна тягчайшему преступлению перед революцией и будет караться по всей строгости революционного закона.

Солдаты! За мир, за хлеб, за землю, за народную власть!»

Мясников прочел это раз, потом еще раз, словно собирався выучить наизусть. Затем он окинул собравшихся взглядом, радостным и озабоченным одновременно.

— Ну, прочесть вам еще раз телеграмму?

— Да читали мы, Алеша, все читали, — засмеялись товарищи.

— Что ж, разрешите тогда поздравить всех вас с этим великим событием, друзья! — тихо, уже меняя тон, но все

еще с радостной дрожью в голосе сказал Мясников. — Не буду объяснять вам все значение того, что произошло, — вы понимаете это не хуже меня... Посему сразу перехожу к делу. Как видите, у нас пока, кроме этого, других сообщений нет. Конкретных указаний нашему Северо-Западному областному комитету тоже нет. В телеграмме имеется одно лишь общее указание, адресованное всем комитетам: не допускать отправки на Питер ненадежных войск. Это мы, конечно, выполним, но все остальное нам, видимо, нужно решать самим, исходя из факта совершившейся в столице революции... — Мясников задумался, как бы приводя в порядок мысли, потом сказал: — Собственно, есть один главный вопрос, который мы сейчас должны решить, — вопрос о взятии власти. Решив его, мы автоматически решаем и остальные.

Да, теперь это был главный — наиглавнейший! — вопрос, который должны были решить он и вот эти люди: Лаидер и Кюрин, Каменщиков и Рогозинский, Алибегов и Могилевский, Щукин и Кривошейн; солдаты, унтер-офицеры и офицеры, которые, как и он сам, полгода назад начали раздувать огонь новой революции здесь, на одном из важнейших фронтов. И вот пламя взметнулось под самое небо, — справятся ли они с ним? До сих пор они делали все хорошо. Но сейчас ведь иное, совсем иное, надо взять на всем фронте и в крае власть и удержать. Сумеют ли? Надо подавить возможное сопротивление штаба фронта, подтянувшего сюда казаков и другие силы, превосходящие наши и численно, и по вооружению, — хватит ли на это не только смелости, но и умения? Возможно, придется стать лицом к лицу с еще более опасным и могущественным врагом — с немецкой армией, которая стоит рядом и пристально следит за каждым шагом нашим, — совладают ли? Выдержат ли великий экзамен истории, когда рядом нет Ленина, нет других руководителей революции, нет даже налаженной связи с ними?

— А что тут решать? — несколько удивленно спрашивает Кнорин. — Ведь давно было решено, что, как только в центре будет взята власть, Минский Совет, в свою очередь, объявит себя единственным носителем власти.

Мясников пристально смотрит на него, словно размышляя, почему он так говорит. Оттого, что не понимает, какая создалась сложная ситуация? Или, наоборот, понимая это, все же не боится предстоящих трудностей?

Ландер, который уловил его взгляд, вдруг говорит Кнорину:

— А ведь Алеша прав, братцы! Мы до того воодушевлены известиями из Питера, что забыли один важный момент...

— Какой именно? — спрашивает сидящий напротив Щукин.

— А то, что мы должны были сначала сменить руководство в армиях, потом вызвать сюда Гренадерский корпус, взять в руки штаб фронта и потом лишь объявить Советскую власть. А теперь получается, что все нужно делать в обратном порядке. Не слишком ли это рискованно? Учитывая, что сейчас у нас в Минске меньше сил, чем у штаба фронта, может быть, лучше сначала вызвать сюда войска, скажем хотя бы одну гренадерскую дивизию, потом уж объявить о переходе власти к Совету?

«Понимает! Все понимает с полуслова Карл Иванович», — думает Мясников.

И тут раздается тревожный голос Рогозинского:

— Боюсь, что ни одну часть Гренадерского корпуса сейчас нельзя снять с фронта, Александр Федорович! Помните, дня два тому назад вы сами предупредили, что, по каким-то сведениям, дошедшим до вас, немцы могут напасть на Гренадерский корпус...

— Ну? — с тревогой подается к нему Мясников.

— Так вот, мы по своей инициативе, без ведома коман-

дования направили несколько разведгрупп в расположе-
ние противника...

— Так, так... И что же?

— Там обнаружено подозрительное оживление. Похо-
же, что подтягиваются новые войсковые части, артилле-
рия...— Рогозинский подумал, взвешивая свои слова, и
сделал осторожный вывод: — В общем, делается все то,
что обычно происходит перед наступлением.

— В чем дело? О чем речь? — раздаются взволнован-
ные голоса.

Мясников не отвечает, вспомнив вдруг Изабеллу Бог-
дановну и ее мужа-летчика. Значит, предположение Ев-
геньева не было лишено оснований, там действительно
затеваются нечто недоброе? И еще он думает о Николае
Рогозинском.

Вот же этот бритоголовый артиллерийский офицер с
глубоко сидящими острыми глазами — тоже поручик, но,
в отличие от Евгеньева, почти сразу после Февраля разо-
брался, что к чему, и вскоре без колебаний вступил в
большевистскую партию. Почему? Потому что с самого
начала войны был на фронте, среди солдат, и гораздо
раньше Евгеньева прозрел, увидел не только пороки ар-
мии, но и всей правящей системы... Во всяком случае,
однажды избрав свой путь, он отдался делу всей душой,
стал одним из большевистских вожakov в 3-м Сибирском
корпусе, а потом был избран в армейский комитет, где
изрядно попортил кровь эсерам и меньшевикам. В июле
Рогозинский вместе с Мясниковым участвовал в VI съез-
де партии. Позже, когда Севзапком приступил к созданию
Военно-революционного комитета во Второй армии, во
главе его было решено поставить решительного и делового
Рогозинского.

Пока Мясников размышляет об этом, сам Рогозинский
объясняет присутствующим:

— Речь о том, что немцы, возможно, хотят восполь-

зоваться «заварухой» у нас и улучшить свои позиции на участке Гренадерского корпуса.

— Что-то не верится, — с сомнением говорит прапорщик Полукаров, член большевистской фракции Фронтвого комитета. — Столько месяцев, пока было тепло и сухо, не пытались наступать, а тут вдруг, когда начались дожди и слякоть, решили двинуться вперед?

— Ну, дожди и слякоть при ограниченном наступлении на небольшом участке с целью захвата выгодных позиций не помеха, — замечает подполковник Каменщиков. — Наоборот, именно дожди и слякоть иной раз заставляют проводить такие операции.

— Думаю, что дело несколько серьезнее... — задумчиво произносит Мясников. — При всех случаях не будем рисковать и гренадеров не тронем... — Он оборачивается к Rogozинскому. — Попрошу вас, товарищ Rogozинский, еще раз предупредить все дивизионные и полковые комитеты корпуса, чтоб пристально следили за поведением противника и были готовы к отпору.

— Ну что ж, — говорит Каменщиков, — тогда, может быть, мне привести сюда свой полк?

«И вот еще одна примечательная биография», — думает Мясников, глядя на сухощавого Василия Викентьевича. Он тоже из дворян, окончил Казанское юнкерское училище и с тех пор служит в армии. В начале этого года он уже был подполковником, командовал батальоном в Двенадцатом Туркестанском полку Второй армии. После Февраля большинство офицеров, в том числе и командир полка Симоненков, чтобы удержать солдат в руках, тоже «подались в революционеры» и вступили в партию эсеров. Но Каменщиков не торопился, оглядывался, обдумывал. И лишь в июне, в дни летнего наступления, он наконец заявил: «Если быть революционером, то настоящим!» А к началу октября, когда трения между полком и его командиром дошли до крайней остроты, полковой комитет от-

странил Симоненкова и вместо него избрал командиром полка большевика Каменщикова.

— Ми-ну-точ-ку, друзья! — вдруг раздается гортанный голос Алибегова. — А зачем нам это вообще нужно — снимать с фронта какие-то части? Давайте-ка подумаем: такие ли они смелые и воинственные, эти штабники, какими мы их тут себе рисуем? По-моему — нет! По-моему, они там сидят и дрожат как цуцки. Почему? — он свирепо посмотрел на Ландера, словно тот уже задал этот вопрос. — Да потому, что они сейчас оглушены известием о свержении Временного правительства и его аресте, — вот почему!.. Нет у них правительства, понимаете? Нет у них руководства. Так во имя чего, от имени кого они будут оказывать нам сопротивление? А гранадеры нам нужны были для чего? Для того, чтобы потом отправить их в Питер. А теперь, когда оказывается, что там и без них справились, — зачем это нужно вызывать кого-то сюда? Сами не справимся, что ли?

«А ведь он молодец, Ваня! — думает Мясников. — Он по-кавказски горяч и вспыльчив, но, когда нужно, может и рассуждать хладнокровно. В его рассуждениях о психологическом состоянии противника есть здоровое зерно...»

— Правильно, Ванечка! — весело восклицает Щукин. — Ведь сегодня они имели возможность убедиться, что даже их затея со съездом солдат-крестьян — пустышка, что фронт пойдет за нами. Выходит, у них в одной руке пусто, а в другой — ничего.

Мясников вопросительно смотрит на Ландера, и Карл Иванович после минутного раздумья говорит:

— Они сейчас находятся в состоянии шока — это ясно... Как сказано в евангелии от Матфея, пуганая ворона куста боится... Если мы спокойно, как нечто само собой разумеющееся, объявим о взятии Минским Советом власти в городе, это даже еще больше усилит их растерянность.

— И потом, у нас в городе есть сила, о существовании которой они еще не знают! — восклицает Могилевский. — Эта сила — заключенные в минской тюрьме солдаты. Когда они, организованные в революционный полк, появятся на арене, то в штабе и Фронтовом комитете десять раз подумают, прежде чем начать действовать.

Да, этот ход давно подготавливался Северо-Западным обкомом и Минским Советом. Вернее, командование фронта и эсеро-меньшевистский Фронтвой комитет своей политической недалекостью сами подложили под себя эту опасную мину, и теперь большевикам оставалось только взорвать ее. Еще в дни подготовки корниловского мятежа командование по заранее составленным спискам за короткий срок арестовало в частях всех активных большевистских «смутьянов» и бросило в минскую тюрьму. Предполагалось, что после удачного завершения корниловского переворота всех их — две тысячи человек! — передадут военному суду и самых опасных расстреляют, а остальных отправят в штрафные батальоны, чтобы таким образом очистить фронт от «скверны». Но поход Корнилова на Петроград провалился, а солдатские массы после этого начали лезть с такой катастрофической быстротой, что ни о каком суде, расстрелах и штрафных батальонах и речи быть не могло. Ибо, как говорится, плеть лежала слишком близко от собаки: большевистская фракция Фронтвого комитета и солдатские комитеты в частях подняли бы на ноги весь фронт. Но и выпустить арестованных из тюрьмы командование тоже не решалось. И тут дело было не только в том, что корниловское нутро штабников восставало против этого или что они все еще надеялись на такой поворот событий, который позволит расправиться со «смутьянами». Попросту штаб фронта и Фронтвой комитет боялись, что каждый арестованный, вернувшись в свою часть, станет капсюлем с гремучей ртутью, способным вызвать взрыв огромной силы.

Так и держало командование эту двухтысячную массу в тюрьме, не предъявляя обвинения, но и не выпуская на свободу. Между тем Севзапком РСДРП(б) скоро понял, какую выгоду можно извлечь из создавшегося положения. Узнав, что старший надзиратель тюрьмы Дождиков еще до войны оказывал некоторые услуги политзаключенным, Севзапком через членов Минского комитета партии — Могилевского, Анну Терентьеву, Федоровича и других — договорился с ним и сумел наладить постоянные связи с арестованными. Случалось, что во время прихода Терентьевой в тюрьму открывались двери нескольких камер и в коридоре собиралось человек двадцать — тридцать заключенных. С ними вели беседы, передавали газеты и пароли, а затем их начали готовить к вооруженному восстанию. Вскоре все арестованные большевики были разбиты по отделениям, взводам и ротам, а в целом были сведены в полк. Командиром полка был избран прапорщик Ремнев, командирами рот и взводов — другие прапорщики, унтер-офицеры, а то и просто солдаты. Один такой полк стоял двух обычных. Предполагалось, что сразу после выхода из тюрьмы полк будет вооружен и размещен в казармах 37-го запасного полка, тоже большевистски настроенного, но не имеющего оружия.

Вопрос о вооружении обоих полков также был продуман со всей тщательностью. На той же Захарьевской улице, на которой находился штаб фронта, размещались фронтные оружейные мастерские, в которых хранилось несколько тысяч винтовок, десятки пулеметов и другое оружие, а также патроны. Председателем солдатского комитета в мастерских был член Минского комитета партии латыш-механик Ян Перно, да и весь состав мастерских был большевистским. Поэтому же после освобождения арестованных большевиков их можно было вооружить, а заодно и 37-й запасной полк...

«Ну что ж, — думает Мясников, вновь оглядывая своих

товарищей.— Кажется, все в порядке. Молодцы, никто не дрогнул, а ведь какие перед нами трудности... С такими людьми — умными, решительными, беззаветно преданными нашему делу — можно пачать сражение за новую власть, даже не имея сейчас превосходства сил здесь, в Минске».

— Что ж, все это выглядит достаточно убедительно, — произносит он вслух. — Но тем не менее товарищу Каменщикову нужно будет срочно вернуться в свой полк и подготовить его к переброске в Минск. Если возникнет потребность, я пришлю телеграмму или записку: «Приезжай с литературой». Это значит, что полк должен немедленно двигаться на Минск. Договорились?

— Договорились, — кивает Каменщиков.

— Ну а теперь давайте составим официальный документ о взятии власти, чтоб сегодня же утвердить на экстренном заседании Минского Совета. Разрешите, я набросаю проект. — Взяв бумагу, Мясников быстро пишет текст, пробегает его глазами, потом читает вслух: — «В Минске власть перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов, который обратился ко всем революционным организациям и политическим партиям с предложением немедленно приступить к организации временной революционной власти на местах. Объявляя о происшедшем, Минский Совет рабочих и солдатских депутатов доводит до сведения всех граждан, что им приняты самые решительные меры к охране революционного порядка и установлению полезной дисциплины повсюду. Установлена революционная цензура над всеми выходящими в Минске и получаемыми здесь газетами для предупреждения распространения волнующих население слухов.

Исполнительный комитет Минского Совета
рабочих и солдатских депутатов».

— Погодите, — спрашивает Щукин, — а обратимся к другим партиям?

— Думаю, что это необходимо. Захотят сотрудничать с нами на наших условиях — хорошо. А нет, — значит, еще раз покажут свое истинное лицо, — объясняет Мясников.

— Ну, братцы, просто не верится! — поблескивая глазами, восклицает Алибегов. — Подумать только: «Власть перешла в руки Совета!.. Приняты меры к охране революционного порядка...» Неужели это мы, а?!

Но Мясников уже торопит их:

— Если одобряете этот текст, то нужно немедленно размножить его, а также текст телеграммы Петроградского военно-революционного комитета, чтобы расклеить по городу сразу после заседания Совета.

— А как мы озаглавим этот документ? — спрашивает Ландер. — Постановление? Решение?

— Приказ, — предлагает Кнорин. — Обстановка такая, что это должно звучать категорически: приказ — и basta.

— Правильно, — соглашается Мясников. — Приказ № 1 исполкома Минского Совета. — Он обращивается к Алибегову: — Итак, мы берем на вооружение твою идею: все делается спокойно, как нечто само собой разумеющееся. Объявляем о переходе власти к Совету, выпускаем из тюрьмы политзаключенных, создаем из них полк и вооружаем его, занимаем ключевые пункты города — телеграф, телефон, станции и мосты, — устанавливаем цензуру над буржуазной печатью, и при этом ни у кого не просим ни разрешения, ни совета.

Все шумно выражают свое одобрение этой тактики.

— В таком случае пусть Кнорин немедленно идет в типографию и печатает тексты нашего приказа и телеграммы Петроградского ВРК, — предлагает Мясников. И обращается к Ландеру: — А ты, Карл Иванович, пиши приказ № 2: начальнику тюрьмы об освобождении политзаключенных. — Он оглядывается вокруг и останавливает взгляд на Алибегове. — Туда пойдешь ты, Иван Яковлевич, а с тобой еще Могилевский и доктор Терентьева. Предъ-

явите оба приказа, потребуете немедленно выпустить арестованных, потребуете твердо, не допуская возражений и оговорок. А вы, товарищ Перно,— обращается он к председателю комитета ремонтных мастерских,— немедленно идите к себе и начинайте грузить на автомобили и подводы оружие, патроны и амуницию на весь полк.— Он обращается уже ко всем: — Думаю, что после освобождения арестованных товарищей нужно их сразу же строем привести сюда, к Совету. Проведем здесь небольшой митинг и тут же вооружим их.

— Правильно,— говорит Каменщиков.— И сразу нужно направить их занимать почту, телеграф и другие пункты.

— Штаб фронта поручим занимать этому полку? — спрашивает Щукин.

— Ну что ты,— качает головой Мясников.— Штаб фронта займешь ты.

— То есть как это я? — Глаза Щукина под очками недоверчиво сужаются: не шутит ли Мясников.

— Ну, может быть, еще один из товарищей, но не больше,— серьезно говорит Мясников. И поясняет: — При нынешней ситуации направить в штаб взвод, роту или даже батальон было бы ошибочно: ведь они могут с перепугу дать приказ своим начать сопротивление. А именно этого мы и хотим избежать, не так ли? Поэтому нужно действовать иначе: когда все ключевые пункты в городе будут заняты нашими, представитель Совета приходит в штаб и заявляет им: так и так, господа военные, политическая власть в столице и Минске сменилась и отныне армия должна подчиняться новой власти. Мол, наша взяла, и никаких разговоров мы и слышать не хотим. А пока они очухаются, мы проведем наши мероприятия на фронте. Ясно?

Последний вопрос, который они обсуждают, касается станции. Питерцы требовали не допускать отправки

враждебных революции войск в столицу, и за этим должны были следить железнодорожники.

На Минской станции расположился красногвардейский отряд в триста человек, а винтовок у них было пятьсот. Командиру отряда Голубеву и комиссару Четырбоку поручили срочно пополнить отряд новыми добровольцами и крепко держать в руках станцию.

Ну вот, кажется, все обсудили, Мясников еще раз оглядывает своих друзей и соратников и произносит:

— Давайте приступим... Все по местам!

Через час бывший актовый зал реального училища был до отказа переполнен депутатами Совета и рабочими с заводов и фабрик города. Многие из них уже слышали о революции в Питере и сразу прибежали сюда, чтобы из первых рук узнать, правда ли это. И когда на сцене появились Ландер, Мясников, Кнорин и другие, то уже по их радостным лицам все поняли: правда! А после того, как Ландер срывающимся от волнения голосом прочитал полученную из Петрограда телеграмму ВРК, в зале поднялся шквал аплодисментов и криков «ура!». С воодушевлением был принят приказ президиума исполкома Совета о переходе власти в городе и области к Минскому Совету. Однако стоило Ландеру поставить приказ на голосование, как выяснилось, что в зале имеются и несогласные. Представители фракции меньшевиков, эсеров и бундовцев прямо с мест начали кричать, что взятие власти большевиками означает узурпацию ее вопреки воле большинства. В ответ слышались возмущенные крики: «Ложь! Мы и есть большинство!», «Жульнические трюки!» Эсеры, меньшевики и бундовцы пригрозили, что они покинут Совет, но им ответили из зала смехом, свистом, выкриками: «Скатертью дорога!», «Давно пора!», «Воздух будет чище!» И когда они действительно ушли с заседания, все

еще раз, воочию, убедились в том, что эти партии в самом деле составляли ничтожное меньшинство: зал и после их ухода все еще был полон людей.

И в это время кто-то крикнул:

— Товарищи! А на улице дождь прекратился!

В ответ раздались веселые, озорные выкрики:

— И правильно! При Советской власти — никаких дождей!

И снова смех, аплодисменты, крики: «Да здравствует Советская власть!»

Мясников, сидя в президиуме, с улыбкой наблюдал за этим радостным возбуждением депутатов, понимая, что это результат нескольких месяцев напряженной борьбы и ожидания и что на самом деле люди вполне отдают себе отчет, какое великое событие произошло в стране. Вдруг кто-то воскликнул: «Товарищи, сюда идут освобожденные политзаключенные!» Все устремились из зала на улицу. Мясников, Ландер, Кюрин и другие направилась вслед за ними на парадное крыльцо здания.

...Представителям Совета не удалось сразу после освобождения заключенных построить их в колонну и привести к зданию Совета. Когда открылись двери камер и по всей тюрьме разнеслись крики «Свобода, товарищи, выходите!», две тысячи человек, выплеснувшись на улицу, уже не способны были обуздать свои чувства, они обнимались, целовались, что-то кричали, иные плакали, искали среди собравшихся у ворот горожан своих близких и друзей, некоторые просто побежали в город — к родным и знакомым.

И Алибегов, Могилевский, Терентьева, понимая состояние этих людей, лишь кричали охрипшими от волнения и натуги голосами:

— Товарищи, идемте к Совету!.. К Совету, друзья!..

Когда эта нестройная, ликующая, возбужденно кричащая толпа обросших, исхудавших людей загрохотала Пет-

роградскую улицу перед зданием бывшего реального училища, к ним с крыльца обратился с речью Мясников.

Он приветствовал и поздравил соратников-революционеров с великой победой — установлением власти рабочих и крестьян в Петрограде, Москве, Минске и других центрах страны, благодаря чему политзаключенные — жертвы политической мести правительства Керенского — получили свободу.

— Вот я сейчас смотрю на вас и думаю, — продолжал он, — люди столько времени томилась в застенках, надо бы им хоть денек-другой отдохнуть... А ведь нельзя этого делать, товарищи. Не забывайте: двери тюрьмы, из которой вы вышли, могут еще раз открыться, чтобы вернуть вас в темницы, так как контрреволюционеры едва ли примирятся с победой социалистической революции и потерей власти. Во всяком случае, они не угомонятся, если не увидят против себя реальной и достаточно внушительной силы. Вот почему, как ни понятны ваши желания и настроения, но все же нужно подумать о будущем, о ближайшем будущем! Необходимо, чтобы вы сами взяли в свои руки укрепление новой власти и тем самым — собственной свободы. Сейчас вам раздадут оружие, боеприпасы, и Первый революционный полк имени Минского Совета немедленно должен приступить к выполнению боевой задачи — подчинению всех важнейших объектов города новой власти.

На улице становилось все тише, а лица солдат — все серьезнее. Недавнее ликование, счастливое ощущение, что все беды и опасности остались позади, постепенно покидали людей, уступая место какой-то спокойной озабоченности. Поэтому, когда Мясников закончил речь, после короткой паузы из толпы протиснулся вперед прапорщик Ремнев и зычным голосом скомандовал:

— Полк имени Минского Совета, слушай мою команду: поротно стройся!

С парадного крыльца было видно, как забурлила толпа, как в ней образовалось множество мелких водоворотов, послышались выкрики ротных командиров, созывающих свои подразделения. И уже через несколько минут возникли большие группы, а эти, в свою очередь дробясь на более мелкие, принимали очертания прямоугольных ротных колонн, в то время как штатские оттеснялись к тротуарам.

Вскоре подъехали два грузовика и с десятком подвод и люди из оружейной мастерской во главе с Перно начали раздавать бойцам винтовки и патроны, а пулеметным командам — «максимы». Никто не записывал ни фамилии солдат, ни номера винтовок — не было на это времени. Да и все знали: эти будут хранить оружие крепко, они знают ему цену!

Член обкома Кривошеин, бывший полковой писарь 37-го запасного полка, сейчас назначенный военным комендантом города, уже давал задания ротам полка имени Минского Совета на захват почты и телеграфа, мостов и важнейших учреждений города.

А в штабе фронта все словно оцепенело.

И генерал Балусев, и комиссар Жданов, и Фронтовой комитет, конечно, еще с утра по военным линиям связи — генквартскому прямому проводу и радиостанции — получили из Петрограда и Могилева сообщение о восстании в столице, о поразительно быстром свержении Временного правительства. Уже этого было достаточно, чтобы вернуть всю верхушку штаба фронта в глубочайшее уныние. Но то, что сделали затем минские большевики, просто оглушило штабистов: они повели себя так, словно в Минске не было никакого штаба фронта, никакого Фронтowego комитета, никаких казачьих войск, Польского корпуса, ударных батальонов и текинских сотен. Созвали экстренное заседание Совета, который объявил себя единственной